

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ КАНОН В ЧЕСТЬ КИРИЛЛА ФИЛОСОФА: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© 2013 г. В. Б. Крысько

Статья завершает серию исследований, посвященных древнейшему памятнику церковнославянской литературы – канону Кириллу Философу. В первой части статьи предлагается параллельная реконструкция исходного славянского текста девятой песни канона и ее несохранившегося греческого оригинала, которые содержат информацию, имеющую первостепенное значение для датировки канона, так как свидетельствуют о создании его вскоре после кончины первоучителя. Далее приводится реконструкция всего исходного текста гипотетического греческого оригинала и славянского перевода кирилловского канона, которая позволяет заключить, что в каноне, изначально состоявшем из девяти песней, имелся акrostих Κλέο<ς Κυρί>λλω Βασίλειος τῷ Φιλοσόφῳ μέλω букв. ‘славу Кириллу Василий Философу пою’. В заключительной части статьи формулируются основные выводы об оригинальном тексте канона, о качестве его славянского перевода, об основных лингвистических особенностях перевода, о датировке и авторстве оригинала и перевода.

This is the last article in our series of studies devoted to the most ancient monument of the Church Slavonic literature – the Canon to Cyril the Philosopher. In the first part of the article, there is offered a parallel reconstruction of the Slavonic rendition of the ninth ode of the Canon and the correspondent segment of the lost Greek original – the texts, which contain important evidence instrumental in fixing the date of the work, since they reveal that the Canon was created soon after the death of the Apostle to the Slavs. Further on, we bring forward – in its entirety – a reconstruction of the original text of the hypothetical Greek original and of the Slavonic translation of the Canon to St. Cyril, – the reconstruction, which prompts a conclusion that the Canon, initially consisting of nine odes, used to contain an acrostich Κλέο<ς Κυρί>λλω Βασίλειος τῷ Φιλοσόφῳ μέλω – verbatim: ‘glory to Cyril Basileios to Philosopher I sing’. The final part of the article summarizes our views on the original text of the Canon, on the merits and linguistic singularities of its Slavonic translation, on questions respecting the date and authorship of the source text and its translation.

Ключевые слова: византийская гимнография, славянские переводы, канон Кириллу Философу.

Key words: Byzantine hymnography, Slavonic translations, Canon to Cyril the Philosopher.

*К 1150-летию создания славянской
письменности (863–2013)*

Настоящая статья завершает серию исследований, посвященных древнейшему памятнику церковнославянской литературы – канону Кириллу Философу [1–9]. Это произведение известно науке уже более 150 лет, и в первые годы после его открытия неоднократно указывалось на то, что образцом для автора являлись греческие гимнографические сочинения [10, с. 273; 11, с. 242; 12, с. 300]; в 1877 г. профессор Киевской духовной академии А.Д. Воронов прямо заключил, что канон был первоначально написан “не на славянском, а на греческом языке” [13, с. 166]. Поскольку, однако, аргументация Воронова далеко не всегда была убедительной, а ряд выдвинутых им положений (о соотношении житий и служб солунским

братям, о хронологии их создания, о греческом происхождении канона Кириллу и Мефодию) очевидно неверны, в палеославистике утвердилось представление об оригинальном, болгарском происхождении канона в честь Кирилла. Между тем лингвистический и стихометрический анализ всех 25 дошедших до нас восточно- и южнославянских списков кирилловского канона, датированных XI–XVII вв., дает веские основания утверждать, что славянский текст является весьма точным и квалифицированным переводом греческого канона, к сожалению, не сохранившегося в полном объеме. Обращение к двум богородичным тропарям, греческие оригиналы которых точно идентифицированы [14, с. 90], – 1.4 и 9.4², показало, что перевод осуществлялся пословно, причем

¹ Доклад на XV Международном съезде славистов (Минск, август 2013).

² Цифры через точку означают номера песни и тропаря.

(Ил). Приводим его текст по С, 110г (знак | означает конец строки):

Гако свѣтила тѣ драга · христосъ въ|зложи вѣща-
тисѣ · въ концихъ | свѣте · вѣнцы църквѣнѣмь · |
когоже ради до смърти подвижа|сѣ · множа вѣрнѣннѣмь
въспитѣннѣ · разумѣннѣмь и го|вѣннѣмь.

Ориентируясь на акrostих, восстанавливаемый в каноне по первым словам тропарей, мы должны признать, что естественное соответствие слову **гако** – ὡς или ὅσπερ – не могло открывать оригинальное греческое песнопение, которому в восьмой песни предшествовали тропари с начальными буквами ME, правомерно рассматриваемыми С.Ю. Темчиным как начало какой-то формы глагола μέλλω ‘петь’, весьма частотного в составе акrostихов [15, с. 336]. Учитывая, однако, обычную для греческого возможность постановки сравнительного союза *после* слова, обозначающего предмет уподобления, мы считаем допустимым, в развитие идеи, высказанной литовским коллегой, поместить в начало тропаря форму вин. п. одного из существительных, передаваемых в древнейших славянских переводах посредством **свѣтило**, – λαμπάδα, λαμπτήρα, λύχνον (SJS IV, 33) или λυχνίαν (WD, 182; ИК, 826), ср., например, следующий инципит: Λύχνον ὡς πολύφωτον (Foll. II, 358). Правда, славянский облик этой формы по спискам варьируется – помимо метафорического винительного-родительного (от существительного ср. рода!) **свѣтила**, представленного в большинстве списков, текстуальная традиция тропаря демонстрирует также обычный аккузатив, т.е. В=И (*Гр, Р -ло*), другие существительные (*Ск, Ц свѣтильника; Хл152 стъкленицѣ*) и прилагательное (*Хл164, Л, Пог, Поч свѣтла*). Последний вариант, ввиду отсутствия в контексте существительного, к которому мог бы относиться данный атрибут, явно вторичен, однако весьма знаменателен, так как может быть возведен только к В=Р **свѣтила** – равно как и суффиксальный вариант **свѣтильника**, наблюдающийся в двух текстологически малонадежных списках. В окружении абсолютно преобладающих форм на -а изолированное чтение *Гр* и *Р* резонно интерпретировать как нормализацию поэтически обусловленной одушевленной формы, входящей в тексте кирилловского канона в ряд других подобных образований вин. падежа, типа **гласа намѣ съпасѣна* (3.2), **трьсѣньчънаго гласа* (4.3), **вѣнѣтѣ тѣ оплохѣ и твѣрдѣ* (8.3).

Еще большую вариативность обнаруживают определения к *светилу*: в половине списков форма В=Р **свѣтила** сопровождается эпитетом *драга*, в *Р* при В=И существительного выступает, естественно, и В=И прилагательного (*драго*), в пяти

списках текстологически единой группы *НБ902, Л, НБ141, Вар, Поч* (далее *НБ902 и др.*), а также в *Ц* и *Пог* фигурирует паронимическая замена *драга* (т.е. ‘другое, второе светило’ – при отсутствии упоминаний о первом, что противоречит и смыслу, и прочим случаям использования подобных определений в каноне, ср. 4.1: **Яврамъ гависа ннѣ*, 8.1: **ннѣ ко окрѣтеса пѣльѣ*). В *Л, Пог* и *Поч* замена **свѣтила** на **свѣтла** повлекла за собой пересмысление определяющего прилагательного как существительного – *дрѣга* (‘светлого друга’), а *Хл164* прилагательное *драга* путем метатезы превратилось в существительное *гѣга* (= *града*), т.е. Кирилл уподоблен целому “светлому граду”. Другой, рифмующийся пароним зафиксирован в *З* – *кѣга*, а в *Гр*, как нередко бывает в этом списке, наблюдается изолированное чтение *ѣтно*. Наконец, в *Хл152* реликтом первоначального *светила* является эпитет **свѣтѣжѣ**, приложенный к *стъкленицѣ*. На фоне всех этих отклонений весьма устойчиво сохраняется исконный объект – **тѣ**, пропущенный только в *Пан*, где, впрочем, вся конструкция существенно, до бессмыслицы, искажена и агенсом становится сам Кирилл, а объектом – Христос (!): **Г**ако злата свѣтила драга · *ѣа* възложи вѣщатиѣе. Однако подлежащее *христосъ* преобразовано в дополнение *ѣа* не только в этом списке, но и в двух более ранних – *T104* и *T105*, а в двух других списках – *T98* и *Хл152* – имя Христа поставлено в зв. форме, что приводит к сосуществованию в одном предложении двух разных обращений – к Спасителю (*ѣе*) и, далее, к Кириллу (*ѣѣ*).

Освобождая фразу от затемняющих ее напластований и перевода синтаксически совершенно корректную синтагму с правильным расположением энклитики ***Г**ако **свѣтила** **тѣ** *драга* *христосъ* на греческий, мы получаем, во-первых, точный метрический эквивалент конечноударной финальной формы ирмоса (*паракоής*) – *Χριστός. Очевидны и два соответствия к **Г**ако и **тѣ** – ὡς и σε, которые согласно обычному для греческого порядку слов должны располагаться в иной последовательности, нежели в славянском, – *се ὡς. Тем самым для начального существительного и определяющего его прилагательного в 9–10-сложном колоне остается 5 или 6 слогов, что – с учетом возможных вариантов *λαμπάδα*, *λαμπτήρα*, *λυχνίαν* (3 слога) / *λύχνον* (2 слога) и встречающихся в старославянском параллелей *дрѣга* – τίμιος, *перикаλλής*, *βαρύτιμος*, *πολυτελής* (ССС, 196) – не позволяет прийти к однозначному решению о лексическом облике оригинального колона. Метрической схеме ирмоса отвечает колон *Λύχνον σε ὡς τίμιον Χριστός, схеме Ἐτήθη σου ἡ γλῶσσα ἡ σεπτή – *Λαμπτήρα σε ὡς τίμιον Χριστός; такие инципиты, как

Πνεύματι φωτιστικῷ σαφῶς (MR V, 70) или Στέφανον ὡς νικητῆς λαμπρόν (V, 71), показывают, что перед *Χριστός мог находиться и конечноударный аккузатив *περικαλλῆ (*Λύχρον σε ὡς περικαλλῆ Χριστός), ср.: Λαμπτήρα ἀκοίμητον καὶ περικαλλῆ ἐκκλησία πᾶσα σὲ κέκτηται (АНГ III, 422) ‘Светильник неугасающий и прекрасный вся Церковь в тебе обрела’. Поскольку, однако, 10-сложный вариант (Ἐτμήθη...) занимает уникальное место среди абсолютно превалирующих в греческой гимнографии 9-сложных колонов, мы считаем наиболее вероятной реконструкцию, исходящую из самых кратких эквивалентов к **свѣтила** и **драга**, – а именно *Λύχρον σε ὡς τίμιον Χριστός, ср. сочетание слов λύχνος и τίμιος у Оригена: Τίμιον μὲν οὖν λύχνος τοῖς ἐν σκότει καὶ χρεῖα λύχνου ἕως ἀνατείλει ὁ ἥλιος ‘Precious, then, is a lamp to men in darkness, and there is need of a lamp until the sun rise’ <<http://www.newadvent.org/fathers/101610.htm>> – и, почти на полтора тысячелетия позже, у Дамаскина Студита (XVI в.): ἄναψε λύχρον τὸν τίμιον Πρόδρομον ‘зажег драгоценный светильник – Предтечу’.

Восстановление формы *τίμιον для греческого оригинала тропаря проливает свет на лексическое варьирование в славянских списках: данные РГЦ, 455 показывают, что в древнейших переводах это греческое прилагательное могло передаваться и как **драгъ**, и как **чѣстьнъ**, и как **благъ**, – а следовательно, варианты *Гр* и *Z* оказываются в русле аналогичных синонимических замен, типа **каменне ч<ь>стьно** в древнерусском Христинопольском апостоле (1 Кор 3. 12) vs. **каменне драго** (λίθους τιμίους) в четырех южнославянских списках Апостола (SJS I, 516).

Сказуемое данного предложения, описывающее действие Христа, во всех списках выражено аористом **възложн**, и лишь в *Ск*, как обычно, фигурирует индивидуальное чтение болгарского книжника, взявшего на себя роль соавтора, – **поставн**. Греческий эквивалент глагола **възложити** далеко не однозначен – реконструируемый аорист, гомотоничный форме *νοσήματι* в ирмосе, может быть восстановлен как *ἐπέθηκε* (см. SJS I, 280), *ἐπέβαλε* (см. ИК, 693), *ἀνέθηκε* (см. WD, 31). Контекстуально близкая параллель в Лк 6. 16: **никътоже оубо свѣтльника възжегъ · покъзываетъ его спждомъ... нъ на свѣштьникъ възлагаетъ** (SJS I, 277) = λύχνον... ἐπὶ λυχνίας τίθησιν (вар. ἐπιτίθησιν) – дает основания предположить, что и в тропаре выступала форма глагола ἐπιτίθημι, т. е. *ἐπέθηκε. Следующая далее форма по спискам отмечается либо в виде инфинитива (помимо **вльцатица** в большинстве списков,

также **вльцати** *T105* – с отпадением постфикса⁷, **вльцатица** *Z, P, Ц* – с иной огласовкой корня, **свѣтътица** *Хл152* – синонимическая замена), либо в виде причастия (*Гр, НБ902, Вар, Поч вльцѣцѣца, НБ141 вльцѣцѣца, Л вльцѣцѣ*). Вариант *Гр*, отражающий мену носовых в более ранней форме ***вльцѣцѣца**, представляется важным с той точки зрения, что подтверждает исконность генитивно-аккузативной конструкции ***свѣтила драга**, к которой в группе списков, включающей *Гр*, добавлялся еще один **В=Р**; для реконструкции первоначального текста это чтение, однако, нерелевантно: никакая греческая форма причастия, согласуемая с *λύχρον, – *τὸν ἀστράπτοντα или *τὸν στίλβοντα – не соответствует метрическому образцу ирмоса, требующему во 2-м колоне ударения на предпоследнем слоге (*νοσήματι τὴν κατάραν*). Напротив, инфинитив большинства списков позволяет восстановить в греческом искомый *παροχυτόνον* – инфинитив с артиклем в целевом значении ***тоу астрѣптеив**.

Следующий, пятисложный колон – ***въ коньцихъ**, не обнаруживающий в письменной истории тропаря никаких различий, кроме поздних морфологических инноваций (*Ск, Z, Хл164, Л, НБ141, Вар коньцѣхъ, Р, Поч -ѣ^х*), очевидно, восходит к греческому выражению **ἐν τοῖς πέρασιν*(ν) ‘во [всех] концах [земли]’, которое регулярно встречается в гимнографических сочинениях именно в таком славянском переводе (см., например, Яг., 275 – MR II, 8; ИК, 743) и полностью умещается в рамки ирмоса (*εἰσφκίσατο*).

Четвертый колон во всех списках начинается обращением, причем большинство источников демонстрирует в этой позиции форму **свѣте**, тогда как в двух южнославянских списках, нередко содержащих сходные чтения, – *Гр* и *Хл152* – наблюдается вокатив прилагательного **мѣдръ**, постоянно употребляющегося в каноне как определение и обращение; кроме того, в текстологически малозначительной группе *НБ902* и др. фигурирует форма **вѣжне**, также очень часто применяемая при обращении к Кириллу. Для установления первичного чтения необходим анализ всего колона.

Ряд проблем синтаксического порядка создает следующая именная форма, которая в большинстве списков выглядит как **вѣнъци**, при том что *Пан, Ц* и группа *НБ902* и др. реинтерпретируют этот мест. п. ед. ч. как тв. п. мн. ч., на что указывает замена флексии в согласуемом прилагательном – **цѣквными**; в шести списках (*В, Гр, Ск, НБ895, Z,*

⁷ NB отсутствие невозвратного глагола в SJS и СДРЯ и его первую фиксацию в СлРЯ (1, 238) только в источнике XV в. по списку XVI в.

Хл166) локатив сопровождается предлогом – **въ вѣнцѣ**, а в *P* все атрибутивное словосочетание преобразовано в бессвязную форму им.-вин. **вѣнецъ цѣквнѣ**⁸. При решении вопроса о первичности беспредложного либо предложного локатива мы исходим из того, что древнейшие восточнославянские списки (за разительным исключением *B*, который, однако, является лишь копией XIX в. и может отражать неаккуратность переписчика) не должны были заменять относительно более новую форму архаичной, но, гораздо вероятнее, сохранили исконное состояние. Именно непониманием изначального беспредложного местного объясняется его переосмысление как тв. п. мн. ч. в списках XIV–XVII вв., тогда как южнославянские списки, начиная с *Гр*, демонстрируют модернизацию синтаксиса. Главная проблема состоит здесь не в реконструкции славянской формы, а в соотношении ее с контекстом и восстановлении ее греческого прототипа. Дело в том, что употребление мест. падежа при глаголе **възложити** синтаксически аномально: обычно данный глагол сочетается с конструкцией **на + вин. п.**, иногда – в значениях ‘предназначить’, ‘предложить’, ‘направить’ – с дат. п. (см. s. v. SJS, СДРЯ). Даже учитывая изначальную корреляцию между предлогом/приставкой и падежом, мы не смогли бы восстановить при **въз-** локатив, так как предлог **въз** сочетался с аккузативом и, следовательно, для глагола **възложити** реконструируется только архаическая сочетаемость с вин. п. (ср: *въсклепа же нѣкъ’то врьтъль* мои СП, 57). В то же время мы не можем и соотнести изначальный мест. падеж **вѣнцѣ** с глаголом **вльцятисѧ** (‘блистать в венце’), ибо **възложити** – глагол семантически недостаточный и требует обязательного заполнения валентности пространственного актанта (*возложить куда?*). Все эти семантико-синтаксические факторы побуждают нас реконструировать в рассматриваемом контексте сочетание ***въложи вѣнцѣ**, с закономерной корреспонденцией префикса **въ-** и мест. падежа (ср. конструкции с однокоренным глаголом **вълежатѣ** в старославянском: *како ли вьлежиши кнѣигахъ* Супр, 334, 29 [17; SJS I, 302] – и в древнейшей церковнославянской традиции: *сего свѣта · дѣланиихъ · вьлежа* Бес 38 [SJS I, 302]). Правда, при отсутствии каких бы то ни было реликтов приставки **въ-** в письменной истории тропаря такое построение оставалось бы чисто спекулятивным – если бы обращение к рукописи *Гр* (л. 3v) не показало, что первоначально там имелось именно

такое написание и лишь затем между **в** и **л** была втиснута буква **з**: **въложи**, ср. ее обычные начертания в том же тропаре: **поднесѣсѧ, разумомѧ**. Конечно, мы могли бы рассматривать вариант с **въ-** как попытку нормализации, придания большей синтаксической стройности изначально неуклюжей конструкции – однако были ли у переводчика основания для создания такой конструкции? Совершенно очевидно, что свечу можно *вложить* (т.е. вставить) в венец или *возложить* (т.е. установить) на подсвечник (ср. Лк 6. 16), а венец можно *возложить* на кого-либо – но “возложение свечи в венец” противоречит и смыслу, и грамматике. Раннее и повсеместное распространение паронимичной лексемы с префиксом **въз-** на месте **въ-** допустимо объяснить влиянием хорошо знакомого контекста из Лк 6. 16, а также пословным, вообще вне контекста воссозданием тропаря под пером переписчиков и нередким смешением **въз-** и **въ-** в сочетаниях, не препятствующих такому смешению, ср. в СДРЯ II, 163 примеры с **въложити на + вин. п.** (вместо **възложити**) в значении ‘положить, поместить на что-л., на чем-л.’.

Возводя форму ***въложи** к протографу перевода, мы, в принципе, не должны были бы непременно искать иное греческое соответствие – как свидетельствуют данные Пражского словаря, этот глагол использовался для передачи целого ряда греческих лексем, в том числе и ἐπιτίθειν (SJS I, 302). Вместе с тем материал TLG показывает, что в сочетании с существительным στέφανος глагол ἐπιτίθειμι, как и ἐπιβάλλω, выражал значение ‘возложить венец (венюк)’: στέφανον δόξης αὐτοῦ τῇ κορυφῇ ἐπιτίθεισιν (Житие Варлаама и Иоасафа) – венец славы на главу ему полагает (ПВИ, 160); στέφανους τε καὶ ταινίας ἐπέβαλλον τῷ στρατηγῷ (Константин Багрянородный) ‘венки и ленты возлагали на военачальника’. Ввиду этого представляется логичным словообразовательно приблизить реконструкцию греческого глагола к славянскому слову, т.е. начать глагол с приставки ἐν-, прямо соответствующей **въ-**, – *ἐνέθηκε, ср. у Кирилла Александрийского: εὐρών ἐν τῷ στέφανῳ λίθον πολύτιμον, ἐνέθηκε τῷ ἰδίῳ στέφανῳ ‘найдя в венце камень многоценный, вложил в собственный венец’ – с дат. падежом направления, который в славянском свободно может быть передан локативом.

Что же касается *венца церковного*, то греческие тексты, начиная с того же Кирилла Александрийского, предоставляют значительное количество примеров с таким сочетанием, ср. в гимнографии: Λόγους ὡς λίθους τιμίους προβαλλόμενος, πάτερ, λαμπρύνεις θεηγόρους διδασχὰς τῆς ἐκκλησίας τὸν

⁸ В *Хл152* переосмысление контекста продолжено: Христос “возложил” Кирилла **свѣтѣтисѧ**, как **стъкленницѣ свѣтѣжѣ**, не в венец, а в **кринь цѣквнѣ** (ср. **кринь**, **кринь** ‘сосуд’ – СлРЯ 8, 58).

στέφανον (АНГ III, 153) ‘Слова как камни драгоценные бросая, отче, ты украшаешь богоречивыми учениями венец Церкви’, Δογμάτων λαμπρότητι τῆς ἐκκλησίας τὸν στέφανον σαφῶς κατελοίκιλας (V, 40) ‘Блеском учений венец Церкви ты явно украсил’ и т.п.

В итоге глагольно-именное словосочетание, образующее ядро предикативной группы первой фразы тропаря и изосиллабичное *νοσήματι* и *Παρθένε Θεοτόκε* в ирмосе, приобретает вид *(2) ἐνέθηκε... (4) ...στεφάνῳ ἐκκλησίας. Тем самым для начальной формы в 4-м колоне остается два слога, и мы вновь возвращаемся к конкурирующим вариантам – **свѣтѣ** в большинстве списков / **мѣдрѣ** в *Гр* и *Хл152*. Греческий эквивалент первого обращения – трехсложное ἄγιε – не отвечает стихометрическим условиям; более того, именование первоучителя *святим* для кирилловского канона необычно (по-видимому, памятник был создан после беатизации, но до канонизации Кирилла). В то же время признание первичным чтения ***мѣдрѣ** = *софѣ ставит нас перед вопросом о том, почему этот весьма частотный эпитет просветителя (выше Кирилл семь раз назван *мудрым* и *премудрым*), в остальных случаях сохраняющийся в текстуральной традиции, именно в рассматриваемом предложении был столь рано и повсеместно заменен на экстраординарное **свѣтѣ**. Думается, что путь к решению проблемы открывает выдвинутая нами при анализе 8-й песни [9, с. 351] гипотеза о появлении вокатива **свѣтѣ** на месте переосмысленного переписчиками территориально ограниченного моравского наречия ***свѣтѣ** = θεῖως ‘божественно’, ‘превосходно’ (Lampe, 620): в разбираемом контексте обстоятельство ***свѣтѣ** могло относиться к глаголу **свѣтити** – т. е. ‘божественно сиять’. Обращает на себя внимание употребление наречия θεῖως в сходном контексте, во многом разъясняющем высший смысл метафоры кирилловского канона, у Григория Паламы (гомилия 24): Νῦν οὖν ἐπληρώθη ἡ ἐπαγγελία, καὶ κατήλθε τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον, παρὰ Πατρὸς τε καὶ Υἱοῦ πεμφθέν τε καὶ δοθέν, καὶ τοὺς ἁγίους μαθητὰς περιλάμψαν, καὶ ὅλως λαμπάδας ἀνάψαν θεῖως, μᾶλλον δὲ φωστήρας ἀναδείξαν ὑπερκοσμίους καὶ παγκοσμίους, αἰωνίου ζωῆς ἐπέχοντες λόγον, δι’ αὐτῶν τὴν οἰκουμένην πᾶσαν ἐφώτισε ‘Ныне же обетование исполнилось, и сошел Дух Святой, посылаемый и даемый от Отца и Сына, и просвещающий святых Учеников, и всецело божественным образом возжигающий их как светильники, лучше же сказать – явив их сверхмирными и всемирными Звездами, содержащими слово вечной жизни, чрез которых Он просветил всю вселенную” <[Часть_1>. Рассматриваемый в таком контексте, первый тропарь 9-й песни предстает как развитие или даже только как перефразирование мыслей, высказанных в первом тропаре 8-й песни, ср.: “Приблизившись к свету, ты стал светом благодаря вселению Бога, о Философ, – ведь ты явился в деяниях как второй Павел, обходя\(щий\) всю землю, среди народов светлее солнца сияя словом учения, учитель блаженный” \[9, с. 341\].](http://agios.org.ua/wiki/index.php/Григорий_Палама._Омилии_</p>
</div>
<div data-bbox=)

Восстановление на месте **свѣтѣ** наречия ***свѣтѣ** означает, что в тропаре изначально отсутствовало обращение к просветителю. Это, однако, не должно нас смущать – песнопения, где на адресата указывают только личные и притяжательные местоимения, не так уж редки в каноне, см. 1.1, 1.2, 4.2, 6.1. Вместе с тем понятна и реинтерпретация чуждого как южно-, так и восточнославянской речи образования на -ѣ в качестве зв. формы, равно как и стремление некоторых писцов к замене неканонического эпитета (**свѣтѣ**) устойчивым определением (**мѣдрѣ**). Само собой разумеется, что добавления к вокативу – **кириле** в *Ск*, **свѣте** в *Пог* – носят характер индивидуальных модификаций первоначального текста.

Последнее слово четвертого колона – определение к **свѣтѣ** – в большинстве списков выступает в форме членного стяженного прилагательного, что позволяет восстановить его для исходного текста в виде ***цркви**; **свѣтѣ**; остальные варианты (см. выше) продиктованы переосмыслением существительного как тв. п. мн. ч. либо иными искажениями этой формы.

Итак, смысл главного предложения тропаря может быть передан следующим образом: “Христос вложил тебя в венец Церкви как драгоценный светоч, дабы ты божественно блистал во всех концах света”.

Придаточное определительное, занимающее последние три колона тропаря, начинается в большинстве списков союзным словом **игоже**, которое в *Хл152* заменено на ж. род **еже**, соотносящийся с основой прилагательного **цркви** (т. е. ‘(Церкви, ради) которой’)⁹; в текстологически ненадежном списке *Хл164* сложноподчиненное предложение преобразовано в сложносочиненное путем замены ***игоже** на **того во** ‘ведь ради него’. Сочетание **игоже ради** очевидно выражает значение ‘ради Которого’ – ведь Константин Философ всю свою жизнь совершал подвиги не только и не столько ради Церкви или тем более ее метафорического “венца”¹⁰, но ради Христа, ср.: τὸν δυσσεβῆ,

⁹ Об использовании относительного прилагательного в качестве антецедента местоимения см. [18].

¹⁰ Ср. перевод П.С. Казанского: “...в венец церковный, ради которого ты до смерти подвизался” [12, с. 307].

αοίδιμε, Ἄρειον καθεῖλες λόγοις, Ἀθανάσιε, τοῖς σοῖς δυναμοῦμενος πρὸς Χριστόν, δι' ὃν καὶ ἠγωνίσαι (АНГ IX, 22) 'нечестивого Ария, славный Афанасий, ты победил своими словами, обретая силу благодаря Христу, ради Которого ты и подвизался'; ναοὺς δὲ ἠγειρας θεῖους εἰς τιμὴν τῆς Τριάδος, μάκαρ, ὑπὲρ ἧς ἠγωνίσω καὶ τοῦ μαρτυρίου στέφος εἰληφας (MR II, 260) – *црѣви въздвиже вѣниа · на чьсть сѣзана тронца · влѣне о неиже подвижася · и мѣниа вѣньцъ прилѣтъ* (Яг., 448). Параллель из АНГ IX, 22 – δι' ὃν καὶ ἠγωνίσαι – придает статус вероятности союзу и, который в трех списках (*НБ895, Хл166, Пог*) находится после *ради*; другое различие демонстрирует *Хл164*, где *подвижася* находится перед *дв*. Вторичность обоих вариантов, однако, выявляется при переводе всего предложения на греческий: точный эквивалент фразы, присутствующей в большинстве списков, реконструируется как *δι' ὃν μέχρι θανάτου ἠγωνίσαι¹¹, что метрически полностью соответствует 5-му столбцу ирмоса, с обязательными ударениями на 6-м и 9-м слогах (*τῷ τῆς κροφορίας βλαστήματι*). Столь же вторичны и другие варианты – причастие *подвижася* в *Z*, не сопровождаемое спрягаемой формой предиката, однократный коррелят *подвижася* в *Хл152*, неуместный для обозначения дела всей жизни Константиана, и пароним *подовиса* *НБ902* и *др*.

Шестой столбец содержит по спискам ряд различий начиная с первого же слова: на месте *множа* древнейших восточнославянских и нескольких южнославянских списков в *Гр* фигурирует однокоренной синоним *оумножа*, в *Др* – форма причастия наст. вр. от глагола сов. вида *оумноже* (< *оумножа*), в *Хл152* – причастие прош. вр. *оумножь*, в *Хл164, Пог* – аорист *оумножи*, а еще в ряде списков – грамматически невнятные именные формы: *Ск мно^о, Ц много же, Т105 множанша, Пан множитва, НБ902* и *др. множитвом*. Поскольку в контексте всей фразы данная позиция органична исключительно для причастия, выполняющего полупредикативную функцию при предикате **подвижася*, реальными кандидатами на реконструкцию могут служить, помимо *множа*, только варианты *оумножа*, *оумножа* и *оумножь*. Все три глагола – *множити, оумножити* и *оумножати* – зафиксированы в древнеславянских переводах как передача греч. πληθύνω (РГЦ, 375), однако первая форма, наиболее частотная в списках кирилловского канона, представляется и самой предпочтительной, так как она идентична греческому в морфемном отношении и только она позволяет сохранить в столбце количество слогов, равное ирмосу, – 12.

¹¹ Ср.: μέχρι θανάτου ἠγωνίσαντο δι' εὐσέβειαν (MR VI, 279) '[Маккавей] до смерти совершали подвиги ради благочестия'.

Следующие две словоформы демонстрируют по спискам столь же прихотливые различия, среди которых заслуживают разбора разные варианты глагольного суффикса в существительном (*въспитѣ-/ въспита-*), число существительного (мн. *въспитѣнина С, Т104, В, Т98, Т105, НБ895, Хл164, -танна Z, Хл152, Пан, Ц* / ед. *въспитанне Гр, Др, Пан, Хл166, Пог*)¹² и падеж прилагательного (дат. в большинстве списков¹³ / род. *вѣрныхъ Гр, Пан* / вин. *вѣрнал Хл152*¹⁴).

Основы *питѣ-* и *пита-*, согласно А. Вайану, противопоставлены как "древнемакедонская" и "древнеболгарская" [19, с. 292]; в то же время отраженный в SJS (I, 330–331; III, 43) материал древнечешских памятников (Клоцев сборник, канон и житие св. Вячеслава, Беседы Григория Великого) позволяет предположить, что образования от *питѣ-* были характерны и для великоморавской территории – колыбели славянской письменности; примечательно, что по наблюдениям В. Ягича только *питѣти* встречается "в древнейших текстах" [20]. Тем самым сохраненная всеми древнерусскими и двумя сербскими списками форма *въспитѣнина* в тропаре может быть признана исконной, а варианты с *-ан-* – результатом освоения текста в болгарской книжности.

Представляется очевидным, что слово *въспитѣнини* использовано в тропаре не в тех акциональных значениях, которые обычно выделяются в исторических словарях у него и у параллельного образования *въспитаник* (СДРЯ: 'кормление, вскармливание', 'воспитание'; СЛРЯ: 'вскармливание, выращивание', 'воспитание'); nomen actionis мог бы выступать в качестве прямого объекта при глаголе *множити* только в том случае, если бы обозначал сумму единичных действий (ср., например, *множить усилия*). Между тем в славяно-русском Прологе оба суффиксальных варианта несколько раз наблюдаются, в соответствии с греч. θρέμμα, в значении 'питодец, отпрыск' (Пр I, 235, 493; II,

¹² Варианты *НБ902, Л, НБ141, Вар -танъ, Поч -танъ* и тем более *Ск въспити (!)* нерелевантны, равно как и индивидуальная замена *Р велѣж мѣть*, на которой текст тропаря обрывается.

¹³ В группе *НБ902* и *др.* датив мн. ч., благодаря вторичному *ь* во флексии, переосмыслен как тв. п. ед. ч. (что, вероятно, и спровоцировало замену **множа* на *множитвом*).

¹⁴ Эта форма выступает как согласованное определение к *въспитанна*, а за нею следует еще *ѣа*, относящееся к Церкви. Остальные варианты прилагательного синтаксически изолированы и явно обязаны своим возникновением искажению текста: *Z -ныи, Р -ныи, НБ141 -ныими*. В двух списках фигурирует существительное: тв. п. *вѣроа* *Ск* включен в однородный ряд с *разумомъ* и *говѣниемъ* и перенесен ближе к ним, а род. п. *вѣры Вар* входит в конструкцию *множитвомъ вѣры въспитанъ*, где субституирует переосмысленный тв. п. прилагательного *вѣрнымъ*.

70), отмеченном уже в Mikl., 105 ('alumnus'). Это же значение реализуется в цитате из стихиры Иоанну Крестителю, зафиксированной – впрочем, без толкования – в Срезн. (I, 413): **поустѣини краснои възпитѣнникъ** (Ст, 147v) – τῆς ἐρήμου τὸ κάλλιστον θρέμμα (MR V, 345)¹⁵; в другом гимнографическом памятнике – Триоди (СЗ19) – св. Лазарь, воскрешенный Христом, несколько раз упомянут как **въспитѣнникъ** ('питомец') Вифании: **Готовиша вифаник... се во владзика придетъ съ ангѣлаи · възпитѣнникъ твою оживляга** (282v) – τὸ θρέμμα σου ζωούμενος (TR, 539); **А съ грядеть · оуготовиша вифаник радостию... чюдо во зѣло велик въ тебе сътворить · възкрѣснвъ лазоръ друга си твою възпитѣнникъ** (283v; греческий не установлен, см. Stern III, 609); **При дверьхъ христосъ · прочек вифаник не сѣтуйи... твою възпитѣнникъ · въздвигже лазоръ из гроба четвърднєвнѣна** (301r) – τὸ σὸν θρέμμα ἐγειρών (TR, 574); ср., наконец, переносное **закону възпитѣ(н)е** 'питомица Закона' (τὸ... θρέμμα) – о матери Маккавеев – в древнеболгарском переводе Григория Богослова (СДРЯ II, 99–100)¹⁶. Точное морфемное соответствие между бесприставочным греческим словом и славянским переводом демонстрируют следующие примеры: **поустѣини гависа доврок питѣнникъ** (Ст, 141v) – τῆς ἐρήμου κάλλιστον θρέμμα (Stern II, 454); [О семи мучениках Маккавеев] Соломония свято лозие и... Елиазара питѣнния. Мин.авг.¹, 7 об. XII в. (СлРЯ 29, 439) – τὰ θρέμματα (MR VI, 290)¹⁷.

Приведенный материал убеждает в том, что **въспитѣнникъ** в разбираемом контексте, в качестве объекта при глаголе **мжножити**, выражало значение 'питомец' – но, разумеется, не в ед., а во

мн. ч. Таким образом мы получаем, на наш взгляд, достаточно надежную реконструкцию первого и последнего слова шестого колона – ***мжножа...** **въспитѣнника** / *πληθύνων... τὰ θρέμματα. Для обозначения того, каких, точнее, чьих *питомцев* "множил" Константин **разорумѣнникъ** и **говѣнникъ**, в гипотетическом греческом оригинале колона остается от 4 до 6 слогов. Обратный перевод на греческий наиболее частотного славянского варианта, занимающего эту позицию, – дат. падежа **върѣннѣимъ** – дает форму прилагательного с артиклем **τοῖς πιστοῖς, которая никак не удовлетворяет метрическим требованиям; к такому же результату приводит подстановка возможного греческого эквивалента генитивной формы **върѣннѣихъ** – **τῶν πιστῶν. Впрочем, обе эти формы непригодны не только метрически – они лексически несоместимы с понятием *питомцы*, за исключением разве что перифрастических конструкций с так наз. *genitivus epexegeticus*, типа θρέμματα παίδων = παῖδες, ὀρνίθων θρέμματα = ὀρνίθες у Платона (Двор., 795). Напротив, принимая во внимание регулярное употребление прилагательного **върѣннѣи** для передачи род. п. (τῆς) πίστεως 'веры' (SJS I, 380; WD, 44; Пр II, 74), ср.: **гръзнѣи процвѣль кси върѣннѣи** / βότρυας ἐξήνθησας πίστεως (MD I, 504) 'грозди веры'; **проповѣднѣннѣи върѣннѣи** / κήρυκας πίστεως (II, 686) 'проповедников веры'; **защитнѣишиа оружнѣи върѣннѣимъ** (Ст, 144r) / ὅπλοις τῆς πίστεως (MR V, 306) 'оружием веры', – мы можем восстановить семантически и синтаксически безупречную греческую параллель к выражению 'питомцев веры', которая стихометрически идеально подходит к 6-му колоно: *(πληθύνων) τὰ τῆς πίστεως θρέμματα. Правильным славянским переводом атрибутивной конструкции с несогласованным определением *τὰ τῆς πίστεως θρέμματα должно было бы являться словосочетание с согласованным прилагательным ***върѣннѣи възпитѣнника**. В принципе именно такая форма прилагательного, как уже отмечалось, в текстуальной традиции кирилловского канона имеется – это написание **върѣннѣи** в *Хл152*; однако у нас нет уверенности в том, что писец *Хл152*, заменив большинство слов и форм первоначального текста тропаря индивидуальными чтениями, исключительно в указанном пункте соблюдал верность протографу, а не заменил присутствовавший в его антиграфе, как и в других списках, дат. или род. падеж исходя из логических соображений. Вместе с тем многообразные колебания, демонстрируемые списками в грамматическом оформлении анализируемого слова, показывают, что его интерпретация действительно вызывала затруднения у писцов, которые, по всей видимости, не понимали

¹⁵ Во втором контексте, указанном (но не процитированном) в "Материалах", **въспитѣнникъ**, как позволяет установить новейшее издание КП, 7, фигурирует в значении 'вскармливание' (ἀνατροφήν).

¹⁶ В более сниженном, хотя также метафорическом употреблении **въспитаникъ** зарегистрировано в Супр, 247, 19: **влькъ лоукъ възпитаникъ снѣдаекъ** – τὸ ἐμόν θρέμμα. Значение 'племенной скот' (SJS I, 330) является здесь контекстуальным уточнением исходного 'объект вскармливания', 'питомец'. Дальнейшее развитие метафоры представлено в нередком переводе θρέμματα как **овьца**: τῆς Ἐκκλησίας τὰ θρέμματα (MR III, 361) – **църквьнѣи овьца** (С163, 212) и т. п. (см. [8, с. 34]).

¹⁷ Морфемная корреспонденция между слав. **питѣннѣи** / **питѣнникъ**, с одной стороны, и греч. **τρέφω** / **θρέμμα** – с другой, наводит на мысль о первичности подобного перевода и о том, что глагол **въспитѣннѣи** сначала использовался для передачи ἀνατρέφω (см. SJS I, 330–331), тогда как **въспитѣнникъ** являлось эквивалентом префиксального ἀνάθρεμμα. Однако последнее существительное, распространенное, согласно Δπс. I, 389, в димотике, в TLG документировано всего лишь двумя примерами – из Феокрита и из схолий к Еврипиду, а в минеях не встречается ни разу.

семантико-синтаксических связей во фразе и, прежде всего, не идентифицировали специфическое значение существительного *ἐκπαιτήνεια*. Именно этим, как мы полагаем, и обуславливается замена мн. числа на единственное, естественное для данного слова в его основном значении пометы *actionis* ‘воспитание’, и преобразование согласованного определения в несогласованное (в род. или дат. падеже), обозначающее *верных* – объект *воспитания*. Как показывает материал переводной гимнографии, сходные искажения, очевидно, первоначального перевода, где ожидалось бы согласованные формы прилагательных, нередки, ср.: *καταρδεύον τοὺς τῆς πίστεως αὐλακας* ‘бразды веры’ – *напатакши вѣрнзиуъ* [вм. **вѣрнзиа*] *враздзи* (MD I, 542); *Χαίροις, τὸ τῆς πίστεως ἄγαλμα καὶ τῆς Ἐκκλησίας τὸ στερέωμα* (MR III, 328) ‘краса веры и опора Церкви’ – *радочиса вѣрнзиимъ* [вм. **вѣрнзиин*] *вкразъ* [так!] и *църквъноѡ оутвѣрженник* (Ст, 112r); *τιμῆσωμεν Πέτρον τὴν πέτραν τῆς πίστεως* (MR V, 401) ‘камень веры’ – *почътемъ петра и вѣрнзиимъ* [вм. **вѣрнзиин*] *камене* [вм. **камень*] (Ст, 153v); *τοῖς ἐν Αἰδῆ τὸ τῆς πίστεως φέγγος* (MR VI, 549) ‘свет веры’ – *оуцциимъ въ адѣ вѣрнзиимъ* [вм. **вѣрнзиин*] *свѣтъ* (Ст, 198v).

Наконец, последний колон тропаря содержит по спискам четыре основные группы вариантов, которые затрагивают следующие параметры: 1) конструкция с однородными творительными (в большинстве списков) / словосочетание с родительным атрибутивным и творительным (*Др, Пан, Пал, Ц* *разоумѣнниа говѣннѣмъ*; *Пог* *разоумѣннѣ говѣннѣа*, *Хл152* *разоумомъ говѣнниа*); 2) наличие / отсутствие союза между существительными (в *Др, Пан, Пал, Ц, Хл152, Пог*, а также в *Хл164, НБ902, Поч* и нет); 3) разные словообразовательные варианты первого слова (тв. либо род. п. от *разоумѣнник* в большинстве списков / *НБ902* и др. *разоумѣвннѣ* / *Гр, Ск, Хл152* *разоумомъ* / *Хл164* *разоумно*¹⁸); 4) разное лексическое выражение второго слова (*говѣннѣмъ* в большинстве списков / *НБ902* и др. *повѣданнѣмъ*).

Вопрос о первой и второй группах разночтений исходя из содержательного критерия должен быть решен в пользу более частотного варианта, поскольку “благочестие разума” и “разумение благочестия” равно бессмысленны. Четвертый пункт также не вызывает сложностей: изолированное, как обычно, чтение автономной ветви *НБ902* и др. демонстрирует семантически недостаточную лексему, которая требует лексического восполнения и явно представляет собой

искажение уже искаженной формы с лишним суффиксом *говѣннѣмъ* (так в *Гр* и, с неверным окончанием, в *Хл152: говѣнниа*). В свою очередь, установление первичной формы **говѣннѣмъ* позволяет реконструировать ее греческий прототип: в стихометрических условиях 7-го колона, требующих обязательного ударения на третьем с конца слоге (*μεγαλύνομεν*), лексема, регулярно переводимая как *говѣнник*, – *εὐλάβεια* (ср. РГЦ, 204; ИК, 707) – может выступать, помимо неуместного в данном контексте номинатива, только в аккузативе – а следовательно, в соответствии со славянским тв. п. в греческом может быть восстановлена конструкция с предлогом **διά* в начале колона и союзом **καί* + **εὐλάβειαν* в финале (ср. Прем 28. 14: *μακάριος ἀνὴρ, ὃς κατατήσσει πάντα δι’ εὐλάβειαν*). Это означает, что эквивалент тв. п. *разоумѣнникъ* / *разоумѣвннѣмъ* / *разоумомъ* занимал в 10-сложном колоне всего три слога, причем с обязательным ударением на 4-м с начала колона (*ὄθεν σε πάντες*). Среди многочисленных греческих параллелей к указанным существительным (см. SJS III, 588, 593; WD, 175) данные условия выполняют только формы **τὴν γνώσιν* и **τὴν γνώμην*. Ориентируясь на контексты с соположением слов *γνώσις* и *εὐλάβεια* (ср.: *ἔστι δὲ ταῦτα τὰ χρώματα ἅπερ σοι λέγω ζωγραφεῖν πίστις ἢ εἰς θεόν, γνώσις, εὐλάβεια ...* [*Acta Joannis*, 29] “И есть краски, которыми я велю тебе пользоваться: вера в Бога, знание, благоговение...” <<http://life-for-god.org/forum/viewtopic.php?t=4657>>; у Феодора Студита: *ἐν γνώσει καὶ εὐλαβείᾳ; ὁ εὐλαβείᾳ περιβόητος καὶ ἐν γνώσει ἐξακουτιζόμενος; αἱ καὶ γνώσει διαφέρουσαι καὶ εὐλαβείας ἀντιποιούμεναι*), мы считаем возможным принять для реконструкции первый вариант и тем самым восстановить седьмой колон в виде **διά τὴν γνώσιν καὶ εὐλάβειαν* ‘знанием и благочестием’ (речь здесь идет, конечно, о “высшем знании”, понимании божественных истин, см. [21]). Из трех славянских вариантов первичным для передачи греч. *γνώσις* представляется иллюстрируемое в SJS III, 593 почти исключительно цитатами из текстов чешского происхождения, а также из древнейших евангелий (см. Лк 11, 52 Зогр Мар) и из Апостола¹⁹ существительное *разоумѣнник*, сохраненное всеми древнерусскими и рядом южнославянских списков, но замененное значительно более распространенным *разоумъ* в трех среднеболгарских списках, создатели которых отличались творче-

¹⁸ Это наречие в разбираемом контексте безусловно ошибочно.

¹⁹ Рассматривая варианты *разоумѣнник* – *разоумъ* в списках Фил 4. 7, И. Христова-Шомова ставит на первое место суффиксальное образование [22, с. 618] как “този вариант, който изглежда най-вероятно да е стоял при първоначалния превод” [22, с. 399].

ским отношением к тексту, – *Гр, Ск, Хл152*. Эта замена, возможно, обуславливалась и стихометрическими соображениями: в то время как колон *разоумѣниѣмь* и *говѣниѣмь* на два слога превышает ирмос, чтение *разумомь* и *говѣниѣмь*, засвидетельствованное именно в таком облике особенно независимым от традиции списком

Ск, полностью изосиллабично образцу. К первоначальному *разоумѣниѣмь* очевидно восходит словообразовательно избыточный вариант группы *НБ902* и др. с дополнительным суффиксом *-ва-*.

Итак, в целом текст первого тропаря реконструируется нами в следующем виде²⁰:

1	* Пако свѣтила тѣ драга Христога	* <i>Λύχρον σε ὡς τίμιον Χριστὸς</i>	11/9–10
2	вложи въцѣпѣнѣ	<i>ἐνέθηκε τοῦ ἀστράλτειν</i>	7/7–9
3	въ коньцихъ	<i>ἐν τοῖς πέρασι</i>	5/4–5
4	свѣтѣ вѣнѣци црькъвьнѣмь,	<i>θείως στεφάνω ἐκκλησίας,</i>	10/9
5	ѣгоже ради до смърти подвижася,	<i>δι' ὄν μέχρι θανάτου ἠγώνισαι</i>	13/11
6	множа вѣрнѣиѣ възпитѣннѣ	<i>πληθύνων τὰ τῆς πίστεως θρέμματα</i>	12/11–13
7	разоумѣниѣмь и говѣниѣмь	<i>διὰ τὴν γνῶσιν καὶ εὐλάβειαν</i>	12/10–11

‘Тебя, как драгоценный светоч, дабы ты божественно блистал во [всех] концах [земли], вложил в венец Церкви Христос, ради Которого ты до смерти подвизался, множа питомцев веры знанием и благочестием’.

Второй тропарь, сохраненный всеми списками, в древнейшем из них выглядит так:

Павлж блаженѣмоу · оученикѣ | итѣ възвѣ · ѣгоже дѣтельмѣ по | слѣдѣмъ · прѣнде до краи западъ | нѣихъ · слово расѣвѣи въ мѣзѣ | цѣхъ · въ клоуѣ · и въ рилѣ дѣхъ | свои ѣоу въз рѣцѣ прѣдѣсть · (Ил, 131г).

Начальная фраза песнопения, в котором вновь (ср. 8.1) проводится параллель между деяниями апостола Павла и жизненным подвигом Константина Философа, также завершившимся в Риме, напоминает инципит седальна ап. Архиппу (2 февраля): *Паулу оученикѣ възвѣ* – *Τοῦ Παύλου μαθητῆς γερονός* (МФ III, 2–3), а также стихуру Петру Александрийскому (25 ноября в славянской Минее, 24 – в греческой): *Петроу върховнѣмоу оученикѣ оѣ възвѣ* (Яг., 448) – *Πέτρον Κορυφαίου μαθητῆς, πάτερ, γερονός* (MR II, 260). Эти соответствия, на фоне практически безвариантного употребления первого и последнего слов в первом колоне тропаря²¹, позволяют с надежностью вос-

становить их греческие оригиналы – **Παύλου* и **μαθητῆς*. При сопоставлении с ирмосом *Ἐὐα μὲν τῷ τῆς παρακοῆς*, казалось бы, без труда восстанавливается и источник формы *блаженѣмоу* – *τοῦ ὁσίου*. Однако в греческих текстах апостол Павел никогда не именуется *ὁσιος*: его постоянный эпитет, судя по сотням примеров в TLG, – *μακάριος*. Реконструкция первого колона в виде ***Παύλου* *τοῦ μακαρίου μαθητῆς*, т.е. из 10 слогов, как будто поддерживается инципитом *Ἐτμήθη σου ἡ γλῶσσα ἢ σεπτῆ*, однако некоторые сложности создает несовпадение схемы ударений в первых слогах. Эти обстоятельства заставляют нас принять во внимание различия, которые показывают, что дат. п. *блаженѣмоу* (или, в иных формах, *-ноуѣмоу С, В, Т98, -ноуѣмоу Гр, -номѣ Др, Пал, НБ902, Л, Пог, Поч, -нѣномѣ Пан, Ц, НБ141, Вар*, а также с другой, паронимичной основой – *вѣтѣнѣмоу Т105*) конструируется в письменной традиции тропаря со зв. формой – более архаичной именной (*Ск, НБ895, Хл166 блаженѣ*) либо членной (*З блѣженѣ*)²². Наличие вокатива в списках, текстологически далеких друг от друга и при этом нередко демонстрирующих протографические чтения (ср., например, оборот **вози възвѣмѣ* 4.3 в *Хл166*, простой аорист **оверѣтомѣ* 4.4 в *Ск* и *Хл166*, финальные строки богородична 4.4 в *Хл166*, сохранение предиката **въселѣмѣ* 5.3 только в *Хл166* и *Р*, правильную форму ж. рода **храницѣ* 6.2 в *НБ895, З, Хл166, Р*, исконное **въгонѣши оучитѣлю* 7.1, сохраненное в *НБ895* и *Хл166*, а также *Р* и, с заменой на *въводѣши*, в *З*, правильный предикат **свѣтѣ* 7.3 в *Ск, НБ895, Хл166* и, с небольшим искажением, в *Р*,

²⁰ Для более наглядного представления синтаксической структуры текста в славянскую реконструкцию здесь и далее введены некоторые знаки препинания. В последнем столбце перед косой чертой указывается количество слогов в славянском колоне, после черты – количество слогов, допускаемое в различных греческих тропарях, написанных на данный ирмос.

²¹ Вариирование первой формы ограничивается, если не считать изолированного чтения *Хл152* – род. п. *Паула*, обычными графико-орфографическими различиями, а *оученикѣ* заменяется *оучениѣмь* / *ѣценѣмь* в индивидуально окрашенных списках *Хл164* и *Ск*, где этот тв. п. зависит соответственно от *по вѣнь* и *наслѣдникѣ*, и уникальным различием *по вѣникѣ* в позднейшем списке *Пог*.

²² Поздний список *Р* отражает лексическую замену, связанную с переосмыслением членной зв. формы, равной им. падежу, как номинатива, причем не в роли обращения, а в роли определения к *оученикѣ* – *въздѣвѣни*, так что Константин превращается в “возлюбленного ученика” апостола Павла!

сохранение тропаря 8.3 в семи списках, среди которых опять же фигурируют *Ск*, *НБ895*, *Хл166* и *Р*), дает основание реконструировать его и для первоначального текста – а тем самым постулировать присутствие обращения, обозначающего Кирилла Философа, в греческом оригинале тропаря. Из нескольких форм, возможных в данной позиции, наиболее вероятна *μακάριε, вставка которой в 1-й колон создает метрическую структуру, изосиллабичную ирмосу и гомотоничную такому тропарю на этот ирмос, как Ἐκ τῶν δεσμῶν τῶν ὀδυνηρῶν (MR II, 22), – **Παύλου, μακάριε, μαθητῆς²³. Ранняя замена вокатива, обращенного к Кириллу, дат. падежом – эпитетом ап. Павла очевидно спровоцирована начальной формой тропаря (Παύλου) и обычным именованием апостола *блаженным*.

Определение к *оученикъ* – *истъ* – фигурирует лишь в небольшой части списков: помимо *Ил*, в таком виде оно имеется только в *НБ895*, *З*, *Хл166*, в *Р* заменено формой отсубстантивного прилагательного *истини* (< *истиньнзи*), в *Хл152*, *Хл164* на его месте выступает *ты*, в *Ск* – *наслѣдникъ*, а в остальных списках непосредственно после *оученикъ* следует форма глагола *взиги*. Апелляция к стихометрическому фактору позволяет заключить, что *истъ* – вставка, хотя и весьма ранняя: реконструкция второго колона путем обратного перевода на греческий трех следующих форм, имеющих в том или ином виде во всех списках (*Ил* *взвкъ* · *югоже дѣтельмъ*), не оставляет места для какой бы то ни было параллели к *истъ*. Первая из этих форм выступает как причастие только в четырех списках (*Ил*, *Л*, *Пог*, *Поч*), причем ни один из ранних списков версию *Ил* не поддерживает: в подавляющем большинстве рукописей начиная с *С* отмечается аорист *взистъ*, функционирующий в роли предиката, к которому, как полупредикативная конструкция, примыкает оборот с причастием *послѣдоуѣ*. Относительное местоимение, вводящее этот оборот, также в абсолютном большинстве списков имеет форму *югоже*, в *Т105* и *З* она сокращена до *юго*, а в *Ск* и *Хл164* заменена на *томоу* / *того* с последующим *ко*. Варьирование в формах существительного более значительно: помимо превалирующего чтения – дат. п. *дѣтельмъ* или, с исконным обликом суффикса, *дѣтѣльмъ*, во многих южнославянских списках наблюдается форма тв. п. (*Гр*, *Др*, *Ск*, *Пал*, *НБ902*, *Ц*, *НБ141*, *Вар*, *Поч*

*дѣтѣльми*²⁴, *Пал* *дѣльми*²⁵). Мена падежа приводит к некоторому изменению смысла: в то время как в большинстве списков синтагма означает ‘деяниям которого (Павла) следуя’, в *Гр*, *Др* и других списках – ‘следуя которому деяниями’. Вторичность этого варианта явствует из неисконности синтаксических связей: глаголу *послѣдовати* изначально присуще управление дат. падежом (ср. примеры в SJS III, 187), хотя довольно рано появляются и генитивные конструкции, ср.: *твонхъ послѣдоуѣщемъ оучении* vs. *твонимъ послѣдоуѣще оученикѣмъ* = τοῖς σοῖς ἐπομένων διδάγμασι (MD I, 256, XII в.). Таким образом, первоначальным следует признать колон **взистъ югоже дѣтѣльмъ*, состоящий из девяти слогов и тем самым превышающий ирмос на один слог (ср., впрочем, 9-сложный колон: ἐν τῇ μήτρῃ σου ὁ Δεσπότης MR II, 576). Переводя эту строку на греческий и соблюдая при этом обязательные для 2-го колона ударения на втором и предпоследнем слогах (*νοσήματι τὴν κατάραν*), мы получаем последовательность *ἐγένου, οὐ ἐνεργείαις²⁶, которая дополнительно подтверждает правомерность реконструкции аориста, а не причастия (ср. невозможное в стихометрических рамках колона **γυγώνως*) и относительного, а не указательного местоимения (ср. **томоу ко* – **αὐτῷ γάρ*).

Составляющее третий колон причастие **послѣдоуѣ* сохранено всеми списками, за исключением двух явно вторичных, изолированных чтений – суффиксального варианта *послѣдствоуж* *Хл152* и аориста *послѣдова*, вписанного в *Хл164* в существенно измененный синтаксический контекст (*Παύλου πόθεν οὔчениεμъ ты вы̇ того ко дѣтѣльмъ послѣдова*). Из двух вероятных греческих эквивалентов part. praes. – ἀκολουθῶν и ἐπόμενος (см. WD, 142; СДРЯ VII, 262; РГЦ, 185) – в оригинале колона может быть восстановлена, как показывает прогарагохуτοно *εἰσφκίσато* в ирмосе, только вторая форма (ср.: Ἴπόμενος προσταγαῖς τοῦ Δεσπότηου – *Послѣдоуѣ велѣнниу владычнни* [Stern II, 552]), причем отклонение от ирмоса в количестве слогов находит поддержку в четырехсложном колоне τοῦ πνεύματος (MR I, 435).

Конструкция, образующая следующий колон, в большинстве списков выглядит практически так же, как и в *Ил* (*пронде до краи западънзихъ*). Разночтения сводятся к нескольким пунктам.

²³ Следует подчеркнуть, что в первом колоне девятисложных тропарей на ирмос *Εὐὰ μὲν τῷ τῆς παρακοῆς* равно допустимы ударения на 1-м и 2-м слоге и отсутствие ударений в этих слогах.

²⁴ В списке *Л*, входящем в группу *НБ902* и др., форма сокращена до неопределенного в падежном отношении *дѣтѣ*.

²⁵ Относительно этого слова см. [9, с. 335].

²⁶ Ср. иное суффиксальное образование в тропаре 8.1: **ниъ ко оверѣтеа пауъ дѣтѣльми* – *ἄλλος γὰρ κατήνησας Παῦλος ἐνεργήμασιν.

1) В ряде списков отмечено варьирование приставки: вместо *пронде* – *прѣнде* *НБ895*, *Z*, *Хл152*, *Хл166*, *P*, *донде Л*. Однако употребление *прѣнти* в данном контексте неуместно, так как при этом глаголе ожидалось бы прямое дополнение. Словосочетание *донде до краи*, по-видимому, отражает стремление писца установить параллелизм между предлогом и префиксом – параллелизм, который едва ли существовал в первоначальном тексте, где глагол *донти* скорее всего управлял бы не предложным сочетанием, а беспредложным генитивом, ср.: *нѣтъѡ дошѡла западнѣишѣ странѣ арѣанѣкаѣа хоѡла* – *Ὁὐ παρήλθεν ἡ Ἀρειανικὴ βλασφημία τὰ Ἰλλυρίων ἔθνη* (Супр, 197); но в исходном тексте явно не было и глагола *донти*, поскольку список *Л*, относящийся к группе *НБ902 и др.*, не обладает самостоятельной текстологической ценностью и отражает, помимо разночтений, общих для указанной группы, только индивидуальные новации переписчика.

2) В *Пог* предлог *до* пропущен, что создает немыслимую конструкцию *пронде* + род. п. мн. ч. *краи*.

3) В *С*, *T104*, *B*, *T98*, *Гр*, *Ц* используется нестяженная форма прилагательного, что вряд ли восходит к изначальному тексту, так как еще более удлиняет колон в сравнении со стихометрическим образцом (12 слогов vs. 9 в ирмосе).

4) Наконец, в глубоко самостоятельном, как всегда, списке *Ск* мн. ч. атрибутивного словосочетания заменено на ед. ч. (*краи западнаго*).

Все указанные варианты очевидно вторичны, что позволяет с большой степенью уверенности реконструировать четвертый колон в виде **пронде до краи западнѣишѣ*. Стихометрические ограничения, налагаемые на данный колон схемой ирмоса (*σὺ δέ, Παρθένε Θεοτόκε*), предполагают, что конечная словоформа в греческом имела ударение на предпоследнем слоге, – а следовательно, в этой позиции исключен род. п. ед. ч. *δύσεως* ‘запада’ или формы прилагательного *δυτικός*, но, напротив, очень вероятны формы-рагохутопа прилагательного *ἐσπερίος* ‘западный’ (ср.: *Ἐσπερίων μέρη, Ἀθανάσιε, ἐφώτισας* [MR VI, 47] ‘западные [букв. Запада, мн. ч.] пределы, Афанасий, ты осветил’). Тем самым для греческих соответствий к формам **пронде до краи* в гипотетическом оригинале остается всего пять слогов с обязательным ударением на четвертом (= *σὺ δέ, Παρθένε*). Принимая во внимание, с одной стороны, неоднократно встречающиеся у Страбона словосочетания типа *τῆς δ’ Ἰουδαίας τὰ μὲν ἐσπερία ἄκρα, πρὸς τὸ ἐσπερίον ἄκρον τῆς νήσου, ἀπὸ τῶν Γερμανικῶν ἄκρων τῶν ἐσπερίων, ἀπὸ τῶν ἐσπερίων ἄκρων, κατὰ τὸ ἐσπερίον τῆς Κρήτης ἄκρον*, с другой

стороны – транзитивные конструкции с глаголом *φθάνω* и существительными *ἄκρα / ἄκρον* в «Истории Александра Великого»: *τὴν ἄκραν τῆς γῆς ἔφθασεν, τὸ ἄκρον τῆς γῆς ἔφθασε, τὴν ἄκρην τοῦ κόσμου ἔφθασε*, – кажется допустимым реконструировать греческий текст колона как **ἔφθασας ἄκρας ἐσπερίας / Ἐσπερίων*; хотя в старославянских памятниках *φθάνω* обычно передается посредством глагола *донти* (см. SJS I, 501–502), в нашем распоряжении имеется и следующий контекст с глаголом *пронти*, подтверждающий нашу реконструкцию: *проиде има его доже и до ц(с)рл. (ἔφθασε) ПНЧ к. XIV, 96 (СДРЯ IX, 75)*.

Пятый колон в письменной традиции песнопения весьма устойчив и демонстрирует всего два разночтения: в *T105* причастие от итератива *расѣвала* – скорее всего, в результате пропуска слога – заменено на *расѣва* (хотя, конечно, не исключена трактовка этой формы и как аориста от *расѣвати*, а также как части причастия *расѣвалъ*, суффикс которого гаплографически наложился на последующий предлог *въ*), а в *Ск* весь финал тропаря, начиная с предлога, замещен лаконичным *во всѣхъ странахъ*. Регулярные греческие соответствия дают возможность восстановить оригинал, изосиллабичный славянскому тексту, ср.: **слово расѣвала въ ѡзвѣщѣхъ* – **τὸν λόγον διασπείρων / κατασπείρων / ἐν ἔθνεσι(v)*²⁷, и гомотоничный ирмосу, с обязательными ударениями на 6-м и 9-м слогах (*τῷ τῆς κνοφορίας βλαστήματι*).

Наконец, мы дошли до места, которое еще А.Д. Воронов справедливо расценил как “самое загадочное и спорное выражение рассматриваемого памятника” [13, с. 150]. Шестой колон во всех шести древнерусских списках, а также в *Др*, *Пал*, *Ц* начинается с предложно-падежного сочетания *въ клонѣ*, в позднейших проложных житиях осмысленного как название города Каона (с различными вариациями), ср. в житии Мефодия: *пошла въ Моравоу въ градъ Клонъ* (вар. *Наннъ*), в житии Кирилла: *и створиша и епископа в Клановѣ градѣ... и погребенъ въсть въ Клановѣ градѣ* (Лавр., 102–103). В других списках кирилловского канона этому сочетанию соответствует целый ряд вариантов; в то же время следующий далее отрезок и

²⁷ Ср.: *добродѣтели расѣвалъ свѣтъ* (Яг., 030) – *ἀρετῶν διασπείρων τὸ φέγγος* (MR I, 42); *слово върно въсѣмъ расѣвалѣца* (МП, 113r) – *τὸν λόγον τῆς πίστεως πᾶσι κατασπείρων* (MR V, 318); *Παράδεισον ἀληθῶς ἀπειργάσω, μάκαρ, τὴν Ἐκκλησίαν τοῦ Χριστοῦ, κατασπείρας ἐν αὐτῇ τὸν λόγον τὸν εὐσεβῆ* (MR V, 11) ‘Садом, воистину, содеял ты, блаженный, Церковь Христову, посеяв в ней благочестивое слово’; ср. также: *слово расѣвала въ мѣрѣхъ* (ИК, 324) – в очевидно переводном каноне Николаю Мирликийскому, греческий оригинал которого до сих пор не обнаружен.

въ рилѣ джхъ свон воспроизводится во всех списках с редкостным для текстуальной истории канона единодушием. Это постоянство дает основания с уверенностью реконструировать слова *и въ рилѣ доухъ свон также и для первоначального текста тропаря, столь же надежно восстановив его греческий оригинал в виде *καὶ ἐν Ῥώμῃ τὸ πνεῦμά σου – т.е. с “дактилическим” завершением, идеально вписывающимся в рамки ирмоса (τῷ κόσμῳ τὴν εὐλογίαὺν ἐξήγηθησας). Учитывая, что шестые колоны тропарей, созданных по данному образцу, при наличии в финале прорагохутонон включают либо 12, либо 11 слогов, мы можем установить и число слогов в греческом источнике таинственно-го **въ клоѣ** – resp. 4 либо 3, с ударением на 2-м, как в ирмосе или в строке συλλέγεις τῶν ἀγῶνων τὰ ἔπαθλα (MR III, 295), либо на 4-м слоге (ср. τῶν ὀρθοδόξων τὸ κέρασ φαίδρύνων τε – MR III, 287). Дело за малым – выяснить, что же за слово было в этом источнике...

Итак, древнейшему свидетельству, (**въ**) **клоѣ** (далее предлог не повторяем, так как он сохраняется во всех списках, кроме *Хл152*), по спискам противостоят следующие чтения²⁸:

- 1) прозрачное **вкнанѣ** *Гр* – т. е. ‘(в) океане’;
- несколько форм, очень похожих на слово **океанѣ** / **окнанѣ**, но содержащих в последнем слоге основы не *л*, а *ω*: 2) **вкωнѣ** *НБ895, Хл166*; 3) **вкнѣ** *Р*; 4) **вкωноу** *Хл152* (дат. п. без предлога);
- лексемы, паронимичные *океану*, сами по себе осмысленные, но не имеющие никакого смысла в контексте: 5) **вкнанѣ** *З* ‘(в) окаянном’; 6) **вк’нахъ** *Хл164* ‘(в) окнах’ (с инновационной флексией, встречающейся и в других сербских текстах этого периода, см. [23, с. 225]);
- 7) прозрачное **панѣ** *Пан* – т. е. ‘(в) Паннонии’;
- формы, похожие на искажения **панѣ** и зафиксированные в списках группы *НБ902* и др., – 8) **панѣ** *НБ902, НБ141, Вар, Поч*; 9) **поновѣ** *Л*.

За 150 лет исследования кирилловского канона было выдвинуто несколько гипотез относительно того, к какой из форм следует возводить все остальные.

1. Наиболее радикальное решение предложил А.В. Горский, интерпретировавший **въ клоѣ** и **въ рилѣ** как однородные обстоятельства, которые “указывают на два разные источника сведений о месте кончины св. Кирилла”, и заключивший: “... указание на Каон в рассматриваемом каноне, конечно, есть поздняя вставка” [10, с. 280]. П.С. Казанский энергично поддержал такой под-

ход, констатируя, что Горский “благоразумно поступил... рассекши, так сказать, мечом этот запутанный узел и признав слова *и въ Каонѣ* позднейшею вставкою”, – хотя и прозорливо заметил: “Конечно, подобный способ решения не удовлетворяет записных филологов” [12, с. 307]. И в самом деле – вычеркивание 4–5 слогов из славянского текста колоны означает совершенно недопустимое сокращение его по сравнению с ирмосом, реконструируемый греческий текст в этом случае также оказывается метрически ущербным, не говоря уже о том, что сохранение тех или иных следов “вставки” во всех списках (кроме позднейшего *Пог*) едва ли свидетельствует в пользу ее вторичности.

2. Сам А.В. Горский, издавший, помимо службы Кириллу, также канон Кириллу и Мефодию из апрельской Минеи (ГИМ, Син. 165), обнаружил в этом сочинении, содержащем славянский акростих [10, с. 281] и, следовательно, изначально написанном по-славянски, тропарь с упоминанием *Ханаонской земли*: **Аврамъ доухъ свон преселеникъ гависа. отъче къриле. въ землю ханаонскоу**²⁹. **уже просвѣти словъ мь. нова оучениа** [10, с. 294]. Справедливо сопоставив этот текст с тропарем 4.1 кирилловского канона (по списку *С*: **Дроухъ свон авраамъ · прѣселеникъ влажене въ въ · отъ отъчѣства**), ученый отметил, что в каноне солунским братьям описано “переселение в чужую страну, которую он (Кирилл. – *В.К.*) должен был просветить словом нового, т.е. евангельского, учения”; по мнению Горского, “эта страна, конечно, применительно к истории Авраама называется Ханаонскою”, – и далее исследователь задает риторический вопрос: “Не отсюда ли образовалось предание о *Канаонѣ* или *Каонѣ*, встречающееся в прологах?” [10, с. 282]. Обратившись к прологам, Горский почему-то забыл разобрать и отвергнутое им страницей выше упоминание Каона в службе Кириллу. Между тем, учитывая вторичность канона первоучителям и производность его в том числе и от кирилловского канона³⁰, правомерно было бы заключить, что ассоциация с Авраамом возникла у автора канона

²⁹ Как указывает Б. Мирчева, в списках тропаря нет вариантов [16, с. 105], так что чтение **Клоныкъж**, приводимое И. Добревым как основное [24, с. 243] – чистая конъектура.

³⁰ Об этом говорят очевидные текстуальные заимствования из канона Кириллу и из других переводных произведений. Так, помимо тропарей с упоминанием Авраама, обращает на себя внимание совпадение только что разбиравшихся пассажижей из 9-й песни кирилловского канона со следующими словами из канона первоучителям: **яко громъ възгрьмѣ въ концихъ. слово раскъва въ изъщѣхъ** [10, с. 291], **Обрѣтешъ новы павлы... донде до запада свате** [10, с. 292], а также полное совпадение богородичных 3-й, 5-й, 6-й и 8-й песней с феотокионами, представленными в Ильиной книге (resp. л. 70r1–3, 25v1–4, 71r7, 71v18–72r2).

²⁸ В *Пог* какая-либо форма в соответствии с **въ клоѣ** отсутствует.

Кириллу и Мефодию под влиянием более раннего сочинения и в результате ошибочного восприятия непонятной формы **каонѣ**, присутствовавшей в его образце, как искаженного **ханаонѣ**, ср. аналогичную замену мало кому известного *Халанского столпа* во втором тропаре 7-й песни кирилловского канона столпом *Ханаонским* или *Ханаанским* [8, с. 62].

3. Другой первооткрыватель службы Кириллу Философу, В.И. Григорович, сопоставив форму обнаруженного им списка *Гр ѡкианѣ* с тем же проложным житием Мефодия, где отражено чтение **въ градѣ Каонѣ**, вывел оба варианта “из слова *καὼναί*, островов, близ которых св. Кирилл пребывал прежде на узком море (узким морем называется также и Босфор)” [11, с. 266]. Хотя географически *Καὼναί* (более известные из мифологии как Симплегады) – “два смежных островка у выхода Боспора Фракийского в Понт Эвксинский” (Двор., 1540) – можно как-то по сопредельности с Мраморным морем соотнести с вифинским Олимпом, где бывали братья Константин и Мефодий, или с монастырем, в котором игуменствовал Мефодий и который в пространном Житии Мефодия именуется Полихрон (см. [25; 26]), остается непонятным, какое отношение эти монастыри имеют к событиям, описываемым в предыдущей и последующей синтагмах, – ведь вблизи Симплегад Константин и не “рассеивал слово в народах”, и не “предал дух свой Богу”.

4. Столь же произвольно было бы и сопоставление Каона с областью Хаония в Эпире (*Χαονία*, жители *Χάονες*): как подчеркнул П.С. Казанский, отметивший принципиальную возможность такого сближения, “указание на эту область едва ли объяснит дело” [12, с. 307] – тем более что греческие имена собственные на Ха- регулярно передаются в славянском через **ха-**, а не **ка-** (см. SJS IV, 757–761).

5. А.Д. Воронов, пришедший к справедливому выводу о том, что сведения о Каоне “в... жития и другие источники позднейшие... привнесены из древнего канона св. Кириллу”, предположил, “что первоначальная форма спорного слова, хотя в этой форме оно встречается в одном только... списке Григоровича, была *въ океанѣ* и что уже из этого переделано *въ Каонѣ* (во *кианѣ*, во *каонѣ*, *въ Каонѣ*), откуда... возникло *въ Канаонѣ*” [13, с. 150–151]. «В каноне нашем... для обозначения широты проповеднической деятельности св. апостола Павла и св. Кирилла, могло быть употреблено выражение *до океана* (*μέχρι ὠκεανοῦ*) как синоним выражения “до концов земли”... или же, сравнивая деятельность св. Кирилла с де-

яниями ап. Павла, автор канона говорит, что подобно последнему он рассеивал слово Евангелия среди народов *по морю* (*κατὰ ὠκεανόν* – океан в значении моря), разумея, подобно Нестору и составителям хронографов, Иллирик (в значении области, обнимающей и Паннонию с Моравиею) и Македонию как поприще деятельности и апостола языков и апостола славян» [13, с. 151]. При всей элегантности этих построений (относительно недавно горячо поддержанных Д. Чешмеджиевым [27]) приходится признать, что приписывание областям, где проходила проповедническая деятельность Константина, близости к океану (в значении ‘море’, т.е. Средиземное или Адриатическое море, это слово в греческом не употребляется) кажется сильной натяжкой. Правда, в соответствии с географическими представлениями византийцев *πλησίον τοῦ ὠκεανοῦ* ‘рядом с океаном’ обитало племя варваров *Ἐρμηχιόνων* (Иоанн Малала, Хронография, 18), которых исследователи с неуверенностью идентифицируют как аваров либо племя из Балтийского региона [28]; жителями океана считались и киммерийцы (*Κιμμέριοι ἔθνος περιόικοῦν τὸν ὠκεανόν* – сходя к “Одиссее”). Учитывая, что земли, некогда входившие в Аварский каганат, заселяли славяне, а Боспор Киммерийский, названный по имени древних киммерийцев, “начиная с последней трети VII в., находился в орбите экономических и военно-политических интересов Хазарского каганата” [29], можно было бы предположить, что по мнению автора канона крайние пределы областей, где проповедовал Константин, соседствовали с океаном. В таком случае мы могли бы реконструировать соответствующий отрывок тропаря как **ἐν ἔθνεσιν ὠκεανοῦ* ‘среди народов океана’, что вполне укладывается в метрические рамки ирмоса и, хотя и не имеет точных параллелей в TLG, синтаксически сходно с такими, например, конструкциями, как *ἐν τοῖς ἔθνεσι τοῦ Καρμήλου καὶ Γαλααδ* (Septuaginta, Judith 1. 8). Однако уникальность чтения *Гр*, отмеченная Вороновым и не поколебленная обнаружением еще более чем 20 списков канона, не может не вызывать недоумения: как показывают древние переводы, слово *ὠκεανός* было хорошо знакомо славянским книжникам, которые передавали его с варьированием в анлауте и во втором слоге, но с неизменным сохранением *α = а*, ср. до *окина* в Изборнике 1073 г., *ѡкеана* в Чудовской псалтыри XI в. (СлРЯ 12, 321), *акіанѣ* (*акиманѣ*) и *окіанѣ* (*окиманѣ*) в Шестодневе Иоанна экзарха Болгарского (Шест., 672), Хронике Георгия Амартола (СДРЯ I, 78; VI, 128), Истории Иудейской войны (ИИВ II, 195). На этом фоне повсеместное вытеснение исходной формы

****вкнианѣ*** – при отсутствии каких-либо следов рефлексии греческого слова в виде **окнонѣ** – образованиями с основой на **-он-** выглядит крайне удивительным. Еще более загадочна замена вполне известного и совершенно не бессмысленного слова непонятной формой **кнонѣ**, осуществившаяся на столь ранней стадии текстуальной истории, что восточнославянские списки XI–XIV вв. вообще не сохранили никаких воспоминаний об “океане”.

6. Простейшее решение как будто предоставил в распоряжение исследователей список *Пан* с его чтением **панонѣ**, несколько искаженным в списках группы *НБ902* и др. П.А. Лавров отдал приоритет этому варианту с некоторой степенью неуверенности: “Перша форма була-б найближча до Панонѣ” [30]; у Б. Мирчевой его первичность сомнений не вызывает: “... единствено в Пант. е запазена характерната за оригинала дума **Панонѣ**, което точно отразява дейността на Кирил в тази област” [16, с. 161]; в немецком издании февральской Минеи форме **кнонѣ** соответствует перевод-эмендация “<Pannonien>” (MF II, 353). При допущении исконности этой формы ее греческий оригинал – с учетом сформулированных выше метрических требований – мог бы выглядеть как ***Пав(ν)όνων** (ср. τοῖς ἔθνεσι τῶν Οὐννων у Феофилакты Симокатты). Не может не изумлять, однако, повсеместное искажение далеко не экзотического названия – опять же начиная с древнейших списков. Разумеется, включение исторической области Паннония в Венгерское государство, приведшее к ассимиляции славянского населения, не могло не способствовать забвению этого топонима; показательно, что в относительно поздних источниках он фигурирует в искаженном виде – так, например, в списках Повести временных лет Паннония ни разу не названа правильно, ср.: по сем же Коцель князь постави Мефедья епіа въ *Пании* на столѣ · сѣго **Внѣдроника** апла единого **ѡ · о · оучіка** сѣго **аіла** Павла. ЛЛ, 28 (то же – ЛИ, 20). Примечательно, что и тропарь 8.3, повествующий об успехах просветительской деятельности Константина в Паннии при князе Коцеле, в большинстве списков кирилловского канона элиминирован (см. [9, с. 353]). При этом, однако, обращает на себя внимание тот факт, что ни один из списков, все же сохранивших упоминание о *земле Паннонской* в указанном тропаре, не воспроизвел якобы второе упоминание данного названия, ср. сопоставление 8.3 и 9.2: *Гр – паноньска / вкнианѣ*, *НБ895 – паноньска / вкешнѣ*, *Хл164 – паноньска / вк’нахъ*, *Р – пононьска / вкнианѣ*, *Хл166 – апоноска / вкешнѣ*, *Ск питиньска?* / –. Между тем в том случае, если бы вероятный общий протограф этих спис-

ков, содержащий топоним ***паноньска** в 8.3, сохранял исконное название и в девятой песни, мы едва ли сталкивались бы в них с вариациями на тему “океана”.

7. Все приведенные выше соображения заставляют вернуться к древнейшему чтению как общему источнику всех остальных. Только и исключительно непонимание протографического **кнон-** могло, по нашему мнению, подвигнуть переписчиков на попытки переосмысления, причем в разных направлениях: а) путем приближения основы к слову **океанѣ**, сначала только в первых слогах (с сохранением исхода **-он-**: **вкешнѣ**, **вкнианѣ**, **вкешноу**), а затем и во всей лексеме (**вкнианѣ**); б) путем замены слова, посредством метатезы, паронимами – **вк’нахъ**, **вканинѣ**; в) путем реинтерпретации **кнон-** как искаженного **панон-** (**панонѣ**) с последующими изменениями, связанными уже с незнанием топонима Паннония (**пановѣ**, **поновѣ**). Что же означало слово **кнонѣ**? В недавнем научно-популярном издании кирилловского канона И. Добрев без каких-либо комментариев истолковал это слово как “земля славян и болгар” (Кл., 571), а годом раньше соотнес с введенным им понятием “Кеанской земли” – земли Кеана, “вождя аваров и древних тисско-паннонских праболгар, от которых произошел хан Крум” [24, с. 242]³¹; по мнению ученого, “в Кеанской земле, с двух сторон от реки Тиса, в непосредственном соседстве с Восточной Паннонией, постепенно возникла Моравская держава князя Растицы, которая в начале 864 г. имела счастье принять солунских братьев” [24, с. 242–243], – и, таким образом, просвещенная св. Кириллом “Кеанская земля в Тисо-Дунайском междуречье и к востоку от реки Тисы” – это Великая Моравия, населенная не только западными, но и южными славянами, чьи диалекты “существенно не отличались от говора их единокровных братьев к югу от Дуная, которые постепенно влились в болгарскую народность” [24, с. 243].

Построения крупнейшего болгарского палеослависта основываются на приводимых им формах титула аварского властителя в латиноязычных источниках – Chaianus, Caianus, Gaganus, Caanus, т.е. ‘каган’ (ср. Фасмер II, 155: “ср.-лат. chaganus (у авар)”), что, как полагает И. Добрев, “вопреки звуковому сходству” не тождественно титулу болгарских правителей – *хан* (болг. *кан*) [24, с. 242]. Очевидно, однако, что ни одна из этих форм не совпадает с **кнон-**; более того, вывести столь необычную для славянской фонетики форму с зиянием из указанных форм весьма

³¹ Благодарим А.-М. Тотоманову, любезно сообщившую нам о работе И. Добрева и приславшую копию статьи.

затруднительно, так же как сложно возвести **клон-** к **кѣан-**.

Признавая несомненную плодотворность идеи И. Добрева о связи между корнем **клон-** и титулом *каган*, т.е. алтайском происхождении этимона, мы, к сожалению, не располагаем какими-либо фактами, могущими прояснить этот вопрос. Известно, что в греческих источниках вожди кочевых народов уже с VI в. обозначаются корнем *χαγαν-*, ср. ὁ Χαγάνος (в стране согдаитов) и Βαϊανός ὁ τῶν Ἀβάρων Χαγάνος у Менандра, ὁ χαγάν τῶν Ἀβάρων в “Стратегиконе” (Псевдо-)Маврикия, ὁ... τῶν Ἀβάρων χάγανος в “Чудесах св. Николая”, ὁ χαγάνος у патриарха Фотия. Сугубо гипотетически мы можем позволить себе предположить, что этот термин, весьма устойчиво применявшийся по отношению к правителям разных народов (вплоть до хазар и болгар: ср. у патриарха Никифора I: αἰτεῖ δὲ τὸν τῶν Χαζάρων ἡγεμόνα (χαγάνους δὲ τούτους αὐτοὶ καλοῦσιν); у Псевдо-Кодина: Χαγάνον τὸν ἄρχοντα Βουλγαρίας), в кирилловском каноне был почему-то употреблен не в гречизированном облике, а в близкой к пратюрк. *qayan [31] (ср. также реконструкцию гунно-болгарского *qa:na, отражающего элизацию интервокального γ^{32}) форме *káan, откуда в славянском должен был развиваться **клон-** (ср. Хаваан, Ханáан, Хаваáан – ханаанъ, ханаонъ); сколько-нибудь точную географическую привязку этого термина мы, однако, предложить не решаемся, отметим лишь, что в исследуемый период титул *каган* носил правитель Хазарии, тогда как родственный титул *хан* – правитель Болгарии.

Значительные сложности вызывает и синтаксический статус существительного **клонъ** в тексте тропаря. Как уже отмечалось, во всех списках, кроме *Хл152*, оно сопровождается предлогом **въ**. Между тем соположение двух формально идентичных обстоятельств (**въ ѡзъицѣхъ въ клонѣ**), находящихся в неоднородных отношениях, весьма неординарно (представленная в тропаре 8.2 по нескольким спискам последовательность **въ градѣхъ сѣверскыхъ · въ хазарѣхъ** *Гр* вторична и отражает непонимание исходной конструкции, в которой предложный локатив выступал как обстоятельство места, а беспредложный – как объект при *приложьсѧ, см. [9, с. 347]). Просмотр более чем 1100 цитат с выражением ἐν (τοῖς) ἔθνεσι(ν), зарегистрированных в TLG, показал, что конструкции с двумя ἐν были неупотреб-

ительны и в греческом. В этих условиях особое значение приобретает уникальный вариант *Хл152* с формой дат.п. **ωκῆωνοῦ**. Принимая во внимание характерную особенно для древнейших переводов передачу греческого приименного генитива дат. падежом, можно предположить, что это чтение, уже отражающее попытки переосмысления корня, тем не менее сохраняет первоначальную морфологическую форму слова – *κῆωνοῦ как соответствие греч. *(ἐν ἔθνεσι) τοῦ Κάαν ‘среди народов кагана (или народов Страны кагана)’. Абсолютно превалирующее в текстуальной традиции предложное сочетание, по всей видимости, возникло под влиянием предшествующей (**въ ѡзъицѣхъ**) и последующей (**въ римѣ**) конструкций.

Заключительная формула тропаря, восходящая к Пс 30. 6 (εἰς χεῖράς σου παραθήσομαι τὸ πνεῦμά μου – **въ рѡцѣ твои предадъ дхъ** <мон> Син, 35b), демонстрирует по спискам на удивление разнообразные варианты. Помимо версии *Ил*, по набору лексем и актантов ближайшим образом ориентированной на ветхозаветный источник (**дхъ свон боу въ рѡцѣ предастъ**), в письменной традиции песнопения наблюдаются: а) прибавление к **боу** определения **свокъмѣ** (в большинстве списков: *С, Т104, В, Т98, Т105, Гр* и др.); б) иной порядок слов в сочетании **боу въ рѡцѣ** (*Гр, Др, НБ895, Хл166, Ц*); в) иной порядок слов в сочетании **въ рѡцѣ предастъ** (*Хл152, Пог*); г) устранение обстоятельства **въ рѡцѣ** с перестановкой глагола и формы косвенного объекта (*Пан предастъ боу*, аналогично – *НБ902* и др.); д) замена **предастъ** инновационной формой аориста **предде** (*НБ902* и др.), перфектом (*Ц преддль еси*) и причастием (*Р предльв*); е) индивидуальное добавление эпитета **сты** после **свон** в *Хл164*. Разночтения г), д) и е) очевидно нерелевантны, поскольку и вставка **сты**, и устранение **въ рѡцѣ** неприемлемы со стихометрической точки зрения, а появление нового аориста, перфекта и причастия в позднейших списках отражает лишь грамматические предпочтения писцов. Вторичность версий с финальной позицией форм **боу** (б) и **рѡцѣ** (в) явствует из реконструкции греческого текста, который может оканчиваться только формой *προγαγοῦτοπον* (*μεγαλύνομεν* в ирмосе), что включает в качестве завершающих колон какие бы то ни было формы существительных *χεῖρ* (*χερσῖ*³³, [εἰς] χεῖρας) и *θεός*. Из числа возможных греческих эквивалентов к словам, образующим последнюю строку тропаря, указанным метрическим требованиям отвечают только параллели к формам

³² Благодарим А. Гранберг, любезно приславшую нам соответствующий раздел своей неопубликованной книги: *Granberg A.A. Hunno-Bulgarian as Preserved in Slavonic, Greek and Latin*.

³³ Ср.: *къ немоще въ рѡцѣ дхъ свон преддль еси* (Яг., 113) – οὐ χερσὶ τὸ πνεῦμά σου ἐναπέθου (MR I, 432); *преддль въ рѡцѣ вѣжи дѣи* (Яг., 289) – παραθεῖς χερσὶ τὴν ψυχὴν Θεοῦ (Яг., 584).

2-го л. аориста или перфекта от *прѣдати*, ср.: *тѣбѣ дѣиѣ прѣдастѣ · въ роуцѣ гни* [вм. гни] (МП, 62v) – *σοὶ τὴν ψυχὴν τῷ ζωοδότῃ εὐκλεῶς ἐναπέθετο, Δέσποτα* (MR V, 100); *дѣиѣ свою ѣж прѣдалъ еси* – *τὴν ψυχὴν σου τῷ θεῷ παρέδωκας* (МД, 74–75); *тѣло твое ѡу радоуаца ежне въ роуцѣ прѣдалъ еси* (Яг., 0181) – *τὸ πνεῦμά σου Θεοῦ ἐπαγαλλόμενος, μάκαρ, εἰς χεῖρας παραδέδωκας* (MR I, 229); *въ ежни же роуцѣ дѣиѣ свои ежнствънзи прѣдалъ еси* (Яг., 132) – *Θεοῦ εἰς χεῖρας δὲ πνεῦμά σου τὸ θεῖον παρέδωκας* (MR I, 462); *въ роуцѣ ежни стѡуи дѣиѣ прѣдалъ еси* (Яг., 135) – *Θεοῦ εἰς χεῖρας τὴν ἱερὰν ψυχὴν ἐναπέδωκας* (MR I, 467); *свою дѣиѣ прѣдалъ еси еси* (Яг., 135) – *τὴν σὴν ψυχὴν παρέδωκας τῷ Θεῷ* (MR I, 467). Точным морфемным и морфологическим соответствием к аористу **прѣдастѣ* являлось бы *παρέδωκας* (ср. также в переводе Евангелия в 3-м л.: *прѣдастѣ д(оу)хъ – παρέδωκεν τὸ πνεῦμα* Ин 19. 30 Зоґр Мар Асс_{bis} Сав Остр_{bis} [SJS III, 418]). Это означало бы, что в 10-сложном колоне, изосиллабичном ирмосу (*ὅθεν σε πάντες μεγαλύνομεν*), трем возможным вариантам – **боґоу въ рѣцѣ (Ил)*, **боґоу своґмоу въ рѣцѣ (С)* и **въ рѣцѣ боґоу своґмоу (Гр)* – соответствовали 6 слогов с обязательным ударением на четвертом. Последнее условие автоматически исключает из дальнейшего рассмотрения версию С с ее вероятным греческим соответствием **θεοῦ σου εἰς χεῖρας*. Однако гипотетические оригиналы оставшихся вариантов, восстанавливаемые с соблюдением указанного условия, resp. в виде

1 *Паулоу, блажене, оученикѣ
2 вѣстѣ, ꙗґоже дѣтѣльмѣ
3 послѣдоуѣа
4 пронде до краи западънѣхъ,
5 слово расѣваѣа въ ѣзъвицѣхъ
6 клоноу, и въ римѣ доухъ свои
7 боґоу въ рѣцѣ прѣдастѣ

**θεοῦ εἰς χεῖρας* и **χερσὶ Θεοῦ σου*, состоят не из шести, а из пяти слогов. Тем самым при реконструкции греческого источника формы *прѣдастѣ* следует ориентироваться на иные, не четырех-, а пятисложные эквиваленты, ср. выше *ἐναπέθετο, παραδέδωκας, ἐναπέδωκας* (а также: *ἐπαπέδωκας τῷ πλαстуργῷ τὸ πνεῦμά σου* АНГ X, 150; в 3-м л.: *τὸ ταύτης πνεῦμα ταῖς αὐτοῦ χερσὶ παρατέθεικε* – Мануил II Палеолог). Ввиду невозможности определенного решения мы условно реконструируем в данном случае форму, наиболее близкую к *прѣдастѣ* в морфемном отношении, – **параδέδωκας*. Что же касается вариантов с притяжательным местоимением либо без него, то, на наш взгляд, версия *Ил боґоу въ рѣцѣ* (= **θεοῦ εἰς χεῖρας*) более предпочтительна, так как в ней посессив не повторяется дважды на протяжении двух строк; кроме того, как мы видели, конструкция ‘Богу своему’ необычна и для греческих оборотов, описывающих кончину святого. Присутствие формы *своґмоу* в обширной ветви текстовой традиции, указывающее на ее раннее появление, объясняется, очевидно, метрической неполнотой первоначального варианта: восьмисложный колон **боґоу въ рѣцѣ прѣдастѣ* на два слога меньше образца, тогда как вставка *своґмоу* восполняет этот метрический недостаток перевода.

В итоге может быть предложена следующая реконструкция второго тропаря девятой песни:

*Паύλου, μακάριε, μαθητῆς	10/9-10
ἐγένου, οὐ ἐνεργεῖαις	9/7-9
ἐπόμενος	4/4-5
ἔφθασας ἄκρας ἐσπερίας / ἐσπερίων/,	11/9
τὸν λόγον κατα/δια/σπείρων ἐν ἔθνεσι	11/11
τοῦ Κάαν, καὶ ἐν Ῥώμῃ τὸ πνεῦμά σου	11/11-13
θεοῦ εἰς χεῖρας παραδέδωκας	8/10-11

‘Ты, блаженный, явился учеником Павла, следуя деяниям коего, ты прошел до пределов Запада, рассеивая слово среди народов [страны] кагана (?), и в Риме дух свой предал в руки Бога’.

Третий тропарь представлен во всех списках, кроме Z. Приводим его по *Ил*, 131г:

Тако сѣнце на земли вѣсна оучителю · вьсидѣ же притъчани · лжч|ми вѣоґласта · просѣцѣа поѣж|цага тѣ вѣроѣж · и о рацѣ стґаґаци|хъ оу твоеґо тѣла.

По мнению П.С. Казанского, смысл этого тропаря “ясен и не представляет... никаких значительных вариантов” [12, с. 308]; о том же пишет Б. Мирчева: “Този тропар има сравнително јасен смисъл, както личи и от сравнително малкото разночетения” [16, с. 162].

Распределяя текст по колонам в соответствии с ирмосом *Εὕα μὲν τῷ τῆς παρακοῆς*, мы можем констатировать, что первый колон должен был заканчиваться ударным слогом; в то время как слав. *вѣсна* этому требованию удовлетворяет, никакая греческая параллель к данной форме – т.е., очевидно, 2-е лицо аориста³⁴ – не может иметь

³⁴ Разночтение С – причастие *вѣснѣвъ* – вторично, так как в предложении нет других спрягаемых форм; аналогичное чтение, отклоняющееся от прочих списков группы *НБ902* и др., отмечено в *Поч (въііаѣ)*. Переосмысление ситуации отражено в списках, где Константин воссиял не на земле, т.е. при жизни, а на землю, т.е. с небес: *Др, Пал на землѣ, Пог -лю*; в *Хл152*, наоборот, изменен предлог: *по земли*. В *Хл164* словам *на земли вѣсна оучителю* соответствует бесмысленно сокращенное и искаженное *намыстѣтелю* (sic!).

финального удара. Тем самым особое значение приобретает вариант, зафиксированный в трех текстологически независимых друг от друга списках – *Пан*, *Хл166*, *НБ902* (а также в сходных с последним списках *Л*, *НБ141*, *Вар*, *Поч*) – и демонстрирующий в конечной позиции форму на *земли*, для которой греческий источник может быть реконструирован в виде **ἐν γῆ* или **ἐπὶ γῆς* (см. ИК, 727) – т.е. с искомым *perisprotonon*. Поскольку 10-сложные колоны на ирмос *Εὐα μὲν τῷ τῆς παρακοῆς* крайне редки, количество слогов, приходящихся на три знаменательные слова колоны – ἥλιος (очевидная параллель к *лнцѣ*), γῆ / γῆς и аорист (как минимум трехсложный), – а именно 7 – предопределяет тот факт, что оба служебных слова – параллели к *ѡко* и *на* – занимают в его структуре не более двух слогов, соответственно **Ως* (а не ***Ωσπερ*) и **ἐν* (а не ***ἐπί*). Для оставшихся трех слогов в последовательности **Ως ἥλιος* – - - *ἐν γῆ*, с учетом регулярных соответствий слав. *вснпачи*, со значительной степенью уверенности реконструируется аорист **ἔλαμψας*, ср. начало тропаря из канона Стефану Савваиту: *Ως ἥλιος ἔλαμψας ἐν μοναστῶν συστήμασιν* (MR I, 552, VI, 107) ‘Как солнце ты воссиял в сонмах монахов’, а также: *Ἐλαμψας ἐν γῆ, Ἀθανάσιε, φωστῆρ ὡς ἑωσφόρος* (АНГ IX, 10) ‘Ты воссиял на земле, Афанасий, как утреннее светило’; *ἔλαμψας ἐν γῆ τοῦ ἡλίου φαιδρότερον ταῖς θεοσημεΐαις* (IX, 196) ‘ты воссиял на земле солнца светлее чудесами’. Ближайшую стихометрическую параллель к реконструированному колону демонстрирует, например, следующая строка: *Ὑψώθητε κράτος κατ' ἐχθρῶν* (MR I, 21).

Второй колон, состоящий в ирмосе из 8 слогов с ударениями на втором и предпоследнем (*νοσήματι τὴν κατάραν*), при обратном переводе со славянского (**оучителю въсждоу же*) образует метрическую структуру, идентичную ирмосу, – **διδάσκαλε, πανταχοῦ δὲ*, что подтверждает вторичность порядка слов в *Ск* – *воснѣ оучителю на земли*, а также неисконность отсутствия *же* (*НБ895*, *Хл166*, *Хл152*).

При восстановлении третьего колоны, переводя четырехсложную строку **πρῆτ'αχμιν*, иссиллабичную уже упоминавшемуся колону τοῦ πνεύματος, мы получаем форму **παραδείγμασιν* – пятисложный *proparoxytonon*, как и в ирмосе (*εἰσῶκίσατο*). Стремлением метрически приблизить славянский текст к ирмосу, возможно, обусловлена вставка посессивного *си* в конце колоны, осуществленная в некоторых списках (*НБ895*, *Хл152*, *Хл166*, *Р*).

Следующую строку образует приложение к **πρῆτ'αχμιν* – метафорический эпитет **λοῦχμιν* *βογογλασιν* ‘лучами божественной речи’, развивающий сравнение Кирилла с солнцем: как солнце сияет лучами, так святой – притчами. Греческий оригинал этих слов реконструируется в полном соответствии с ирмосом (*σὺ δέ, Παρθένε Θεοτόκε*): **ἀκτίσι τῆς θεηγορίας*, а семантическая параллель к нему обнаруживается в одной из византийских миней: ἡ τοῦ πνεύματος πνοή... δύναμιν ἀήττητον σοὶ ἐδωρήσατο καὶ τυρίπνου ἀνέδειξεν καὶ *θεηγορίας φέγγει* *κατελάμπρυνεν* (Spanos, 225) ‘дуновение Духа непобедимой силой тебя одарило и явило огнедохновенным и осветило светом богогласия’. Ввиду аппозитивного статуса данного словосочетания явно избыточен добавленный в целом ряде списков (*Т98*, *Т105*, *НБ902*, *НБ141*, *Вар*, *Пог*) перед *лоуχμιν* союз *и* (*Ск же и*), благодаря которому *притчи* и *лучи* оказываются однородными членами (дальнейшее искажение – в *Хл164*: *л'чмн и прчмн*). Непонимание образного выражения *лучи богогласия*, символизирующего Константиновы притчи, наблюдается в нескольких списках, где пропущено либо первое существительное (*Ц*), либо несогласованное определение к нему (*Хл164*) или же это определение заменено однокоренными формами существительного либо прилагательного в роли обращения (*вѡггласѣ Ск*, *Пан*, *Хл164*, *НБ902*, *Л*, *НБ141*, *Вар*, *Поч*, *Ѣоггласнѣ Р*³⁵). Вторичны и согласованные определения к *лоуχμιν* – *вгогг'снн*³⁶ (< *вогггласнн'зми*) в позднейшем списке *Пог* и тем более *Ѣоу'снннн Др*, *вѡсннннн Пал*, *вѡсннннн Ц*, отражающие не только переосмысление второй части композита, переносимого из семантического поля звука в поле света, но и морфологическую инновацию – употребление адъективной формы тв. п. мн. ч. м.-ср. рода при существительном исконно ж. рода *лоуχμ*.

Очевидно вторичны и разночтения, отмеченные по спискам в пятом колонне: замена причастия *просвѣщаема* императивом *просвѣщан*, проведенная в *НБ902* и еще двух списках этой группы (*Вар*, *Поч*), гаплографическое *просвѣщающе Ц* (из **просвѣщаема пощма*), а также синоним *вѣрно Др*, *Ск*³⁶, *Хл152*, *Ц* на месте *вѣроуж*. Исконность последнего чтения явствует из реконструкции оригинального текста: при наличии в переводе наречия ***вѣрно* заключительным словом греческого колоны был бы *perisprotonon* ***πιστῶς* – что недопустимо ввиду обязательности ударения на 3-м с конца слоге (*βλαστήματι*); впрочем, в такой замене нет ничего

³⁵ В *Хл166* первоначальное *-снн* – видимо, через стадию *-сн* – искажено в *-снн*.

³⁶ В этом списке, впрочем, весь колон пересказан “своими словами”: *просвѣщаема: тѡ полцинухъ ннѣ схранѣн вѣрно*.

необычного – в издании Ильиной книги отмечены примеры постановки **вѣрно** на месте первоначального и засвидетельствованного в письменной традиции **вѣроуж** = *πίστει*, см. ИК, 220–221, л. 46r9: **поужца тѣ вѣрно** (в др. сп. **вѣроу**); 296–297, л. 63r1: **вѣроуж поужца тѣ** (в др. сп. **вѣроу**). Единодушие списков с точки зрения порядка слов³⁷ заставляет признать единственно приемлемым завершением колоны последовательность из формы **πίστει* и энклитики **σε*, эквивалент которой в славянском закономерно перенесен в позицию после глагола, к которому это местоимение относится. Поскольку, однако, реконструкция начальных форм в соответствии с *τῷ τῆς κνοφορίας* в ирмосе предполагает ударение на 6-м слоге, что обуславливает восстановление причастия с предконечным ударением (**ὕμνουντας?*), перед формой **πίστει* остается еще один слог, который представляется естественным заполнить предлогом **ἐν*, ср. регулярную параллель **вѣроуж** – *ἐν πίστει* (наряду с беспредложным *πίστει*) в Ильиной книге (ИК, 704). Использование причастия в функции субстантивата предопределяет в славянском его членную форму, а в греческом – наличие артикля (**τοὺς ὑμνουντας?*). Наконец, обычный эквивалент глагола **просвѣщати** – *φωτίζω* (см. WD, 157; ИК, 812) – позволяет реконструировать начальную форму колоны в виде **φωτίζων*, ср. сходные контексты в АНГ: *πίστει σε τοὺς ὑμνουντας φωτίζων χάριτι* (IV, 448) ‘с верою поющих тебя просвещая благодатью’; *φωτίζει τοὺς πόθῳ ὑμνουντας σε* (V, 474) ‘[Господь] просвещает с любовью поющих тебя’; *φωτίζεις τοὺς ὑμνουντας σε* (XII, 188) ‘ты просвещаешь поющих тебя’; у Романа Сладкопевца: *αἱ τῶν ἀγγέλων μὲν οὖν στρατιαὶ πάντας ἐκδέχονται τοὺς ἐν πίστει ὑμνουντας θεὸν τὸν σεσαρκωμένον* ‘ведь ангельские воинства всех ожидают с верою поющих Бога воплощенного’.

Шестой колон тропаря – **и о рацѣ стоящихъ оу твоего тѣла** по списку *Ил* – содержит информацию, имеющую первостепенное значение для датировки кирилловского канона: как справедливо подчеркнул А.В. Горский, “последние слова указывают на то время, когда связь между новопросвещенною страню песнопевца и Римом, где было положено тело св. Кирилла, была еще во всей силе. Только тогда ученики св. Кирилла, приходя в Рим, могли совершать песнопения в честь своего наставника близ его гроба. А это, конечно, могло быть только при жизни св. Мефодия [10, с. 281]. На фоне исторических сведений, неоднократно сообщаемых автором канона, в том

числе и “в реальном времени” (тропарь 8.3 о земле Паннонской, которая **влади еретичьскы роушнѣ кынигли**), мы не считаем обоснованным скептицизм А.Д. Воронова, проявившийся в его риторическом вопросе: “Показания канона... что ученики св. Кирилла молятся пред ракою мощей его в Риме – не суть ли только поэтические образы, в основе которых лежит только та историческая идея... что в Риме была рака мощей св. Кирилла?” [13, с. 155–156]. Факты (реальные или агиографические) из жизни Константина, известные нам по Паннонским житиям, обрисованы в каноне с замечательной систематичностью: как заметил тот же Воронов, “из таких событий не опущено ни одно” [13, с. 147]; совершенно логично, что последним в ряду описываемых событий становится поклонение мощам святого, осуществляемое его учениками, – и, очевидно, *terminus post quem* non служит здесь время, когда эти ученики еще могли посетить Рим, – т.е. период до кончины Мефодия и изгнания последователей Кирилла и Мефодия из Великой Моравии.

Текстологическая история шестого колоны, однако, не столь ясна: за исключением союза **и**, представленного во всех списках, кроме *Ск* (где вся конструкция вновь “пересказана”: **къ мощемь твоимь привѣгашце**), и формы **рацѣ**, все остальные слова подвергались в процессе бытования различным модификациям. Разумеется, часть вариантов может быть без проблем отвергнута как искажения и поздние замены: так, предлог **о** в *T98* заменен на совершенно неподходящий в данной конструкции **оу** (который был бы возможен только при род. падеже ****оу ракы**), а в списках группы *НБ902* опущен, поскольку далее бесприставочный глагол **стояти** заменен приставочным (*Л прѣстоуца, НБ902, НБ141, Вар, Поч прѣстоуце*) и мест. падеж **рацѣ**, тем самым, становится дат. падежом; притяжательное местоимение **твоего** в *НБ895* заменено энклитикой **ти**; повсеместно используемая, еще праславянская по происхождению, **о*-основная форма **тѣла** в *Хл164* “отреставрирована” в **тѣлени**.

В то же время в двух группах разночтений истинность древнейшего варианта отнюдь не очевидна. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что предлог **оу**, имеющийся только в *Ил, С, Т104, Т105* и *Пог*, отсутствует в большинстве списков – во всех среднеболгарских (*Гр, Др, Пал, Хл152, НБ902, НБ141*), молдавском *Р*, югозападнорусских *Л* и *Поч*, сербских *Пан, Хл166, Хл164, Ц, Вар*, а в *В, Т98* и *НБ895* на его месте фигурирует форма **ѣго**. С точки зрения современного языка вариант *Ил*, безусловно, выглядит более предпочтительным, ср. перевод: ‘стоящих вокруг раки у твоего тела’. Однако среднебол-

³⁷ За вычетом *Хл164*, где порядок изменен весьма существенно: **просвѣщанъ бо глаголе · вѣроу поущи тѣ**.

гарский Струмицкий апостол (XII в.) показывает, что обороты типа ‘рака твоего тела’ не были чужды церковнославянскому узусу: *припадаѣ къ рѣца* (sic!) *твонѣхъ мощи* Мак 73b 3 (SSJ III, 601). Такое употребление имело своим источником, по всей видимости, греческие конструкции типа ἡ σορὸς τῶν λειψάνων σου (MR III, 665) букв. ‘рака твоих мощей’, широко представленные в гимнографии, ср.: Μυρίζει σου ἡ σορὸς τῶν λειψάνων (MR III, 626) – *Благговонякъ твоя рака мощи* (MF III, 139); Τὴν τῶν λειψάνων σου σορὸν γεραίρομεν (AHG III, 535) ‘Мощей твоих раку чтим’ и мн. др.; зарегистрировано в TLG и словосочетание ‘рака тел’: ἔνδον τοῦ εὐκτηρίου ἐν ᾧ καὶ σορὸς ἦν σωμάτων (Никита Стифат) “в церкви, где стоял ковчег, полный останков” <<http://www.omolenko.com/zhitiya/simeon.htm>>. На фоне подобных примеров предлог *оу* действительно оказывается излишним. О том, что на этом месте изначально не было и определения *свѣтаго*, свидетельствует стихометрия колона – вставка удлинити бы строку на три слога по сравнению с ирмосом (*тѣ ко̀сѣѡ тѣнъ ѡ̀блѡгѡиѡнъ ѡ̀ξѣ̀нѡтѡсѡсѡсѡ*).

Эквивалентом конструкции **(и) о рацѣ стѡящицѣхъ* (*твоего тѣла*), скорее всего, являлось беспредложное греческое сочетание с префиксальным глаголом περίστανσι ‘стоять вокруг’ – **(καὶ) τὴν σορὸν περιστάντας/-ων/* (σου σώματος), ср.: τὴν ἁγίαν ἐκεῖνην περιστάντες σορὸν (*Pseudo-Clementina*) ‘стоящие вокруг этой святой раки’; καὶ σου τὴν σορὸν ἐκατέρωθεν περιίστανται (Михаил Пселл) ‘и твою раку с обеих сторон обступают’; Ἴδού σοι τὸν τάφον περιίστάμεθα (Евфимий Торник) ‘Вот мы стоим вокруг твоей гробницы’. В большинстве списков начиная с XI в. причастие выступает в несколько неожиданной для столь раннего периода инновационной форме вин.-род. мн. ч. *стѡящицѣхъ* (*С-ницѣхъ*), выражающей категорию одушевленности (ср. [23, с. 192–193, 199–200]), при том что предыдущее причастие находится в форме исконого винительного – *по̀жѣцаѡ*; однако в нескольких списках XIII–XIV вв., а также в вышеупомянутых списках группы *НБ902* представлены различные рефлексы собственно аккузативной формы на *-ца* – *стѡкѣ НБ895*, *стѡжѣж Хл152*, *стѡкѣ Хл166* и т. п. Ввиду единодушия всех древнейших восточно- и южнославянских источников у нас нет оснований рассматривать эти образования на *-ца* как реликт первоначального состояния – вероятнее всего, они отражают нормализацию грамматики в условиях неоформленности категории одушевленности во мн. ч. в южнославянских языках. Вместе с тем употребление В=Р с самого начала письменной традиции тропаря вызывает сомнения. Думается, что в исходном

тексте форма **стѡящицѣхъ* функционировала не как аккузатив, а как генитив – но не при транзитивном глаголе *просѣѣцати*, а при следующем глаголе, сохранившемся далеко не во всех списках.

Неполнота текста, отраженного в древнейшей восточнославянской традиции тропаря, проявляется в его очевидной метрической незавершенности, особенно на фоне ирмоса и гипотетического греческого оригинала, – что, в свою очередь, находит выражение в разнообразной интерпункции, в идеале маркирующей разделение песнопения на колоны: в *Ил*, *T104* точки делят тропарь на пять отрезков, в *T98* – также на пять, но с несколько иными границами, в *T105* – на шесть, в *С* – на семь (но при этом членение на колоны не совпадает с греческим ирмосом, а шестой отрезок – *вѣроу и о рацѣ* – на целых пять слогов короче 6-го колона в ирмосе). Неудивительно, что уже И.И. Срезневский в своем издании кирилловской службы по несохранившемуся списку *В* пополнил текст песнопения последним колоном из *Гр* [32]. В *Гр* (= *Хл152*) этот колон имеет следующий вид: *по̀мѣни блжѣне своѡ ѡ̀ченикѣхъ*; еще в нескольких списках текст сохранен с рядом разночтений, которые не затрагивают только обращение *блжѣне*: в *Р* императив образован не от *по̀мѣнѣти*, а от *по̀мѣнѣти* – *по̀мни*; в *Др*, *НБ895*, *Хл166*, *Хл164*, *Р* заключительная атрибутивная группа отличается от *Гр* порядком слов, причем в *НБ895*, *Хл166*, *Р* финальное местоимение фигурирует в форме *твоѡ*; наконец, в *Ск* ученики заменены *неѡцами* и еще раз использовано наречие *вѣроу*: *пѣѡца своѡ вѣроу*. Причины пропуска колона в древнерусских списках, по всей видимости, кроются в забвении изначальной метрической структуры, ориентированной на ирмос, и в синтаксической завершенности текста, представленного в древнейшей ветви традиции. Ввиду относительно поздней фиксации 7-го колона, сохранившегося лишь в тех рукописях XIII и последующих веков, которые наряду со многими первоначальными чтениями содержат и многочисленные отклонения от исходного текста, реконструкция его греческого источника весьма затруднительна. Ясно, однако, что этот колон в оригинале не мог оканчиваться эквивалентом к форме **о̀ченикѣхъ* или к словосочетанию **о̀ченикѣхъ своѡ* – ни одна из конечноударных форм существительного μαθητής, даже в сопровождении энклитики σου, не обеспечивает предписанного ирмосом (*μεγαλύνομεν*) финального проγαгохуτοно. Обращение к другому эквиваленту слав. *о̀ченикѣхъ* – *μύστης* ‘посвященный’ – изменяет ситуацию лишь формально (ср. ***μύστας σου*), поскольку данная переводческая параллель применяется, насколько позволяет судить имеющийся в нашем

распоряжении материал, главным образом к ученикам Христа, посвященным в тайны Троицы (см. ссылки на подобные контексты в ИК, 862). Кроме того, учитывая регулярную сочетаемость глагола $\mu\upsilon\eta\sigma\kappa\omega$ – наиболее вероятного эквивалента слав. **поманѣти**³⁸ – с генитивом, приходится признать, что финальное ****μυστῶν σου** так же не соответствует ирмосу, как и ****μαθητῶν σου**. Все эти обстоятельства побуждают нас при восстановлении последнего колона дистанцироваться от варьирующихся показаний восьми славянских списков и поставить в конец колона форму, эквивалент которой в славянском открывает строку, – ***μνήσθητι** (ср. финальные строки тропарей: $\delta\upsilon\sigma\omega\pi\omicron\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\ \sigma\epsilon\ \lambda\acute{\alpha}\nu\tau\omega\upsilon\upsilon\ \eta\mu\acute{\omega}\nu\ \mu\eta\sigma\theta\eta\tau\iota$ [АНГ III, 247]; $\theta\acute{\epsilon}\nu\ \sigma\upsilon\nu\eta\rho\theta\mu\eta\sigma\alpha\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \chi\omicron\rho\omicron\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\lambda\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma\ \bullet\ \tau\acute{\omega}\nu\ \theta\epsilon\iota\omega\nu\ \kappa\acute{\alpha}\iota\ \sigma\omicron\phi\acute{\omega}\nu\ \theta\epsilon\eta\gamma\omicron\rho\omega\nu\ \bullet\ \pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\omega\nu,\ \mu\epsilon\theta'\ \acute{\omega}\nu\ \eta\mu\acute{\omega}\nu\ \mu\eta\sigma\theta\eta\tau\iota$ [Spanos, 191]). Стихометрически безукоризненная реконструкция греческого текста колона, предусматривающая обязательное ударение на 4-м слоге (ср. $\theta\acute{\epsilon}\nu\ \sigma\epsilon\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\varsigma\ \mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\acute{\upsilon}\nu\omicron\mu\epsilon\nu$), предполагает и иные изменения в порядке слов по сравнению со славянской традицией, а именно ***τῶν μαθητῶν σου, μάκαρ, μνήσθητι**. В соответствии с этой реконструкцией первоначальный текст перевода должен был выглядеть как ***оученикъ своихъ блажене помани**. Изменение порядка слов в славянском, возможно, было обусловлено стремлением поместить предикат в начальной позиции под влиянием контекстов, где $\mu\eta\sigma\theta\eta\tau\iota$ открывает синтагму, – в особенности Пс 88. 51, 131. 1, 136. 7 и Лк 23. 42; ср. также: $\mu\eta\sigma\theta\eta\tau\iota,\ \acute{\mu}\alpha\kappa\alpha\rho,\ \tau\acute{\omega}\nu\ \tau\mu\acute{\omega}\nu\tau\omega\nu\ \sigma\epsilon$ (АНГ VIII, 319).

Управление род. падежом при **поманѣти**, реконструируемое с ориентацией на греческий образец, не является в древнеславянской письменности окказиональным (см. [33]). В текстуальной истории анализируемого тропаря рефлексом генитивного управления и является, на наш взгляд, разбиравшаяся выше форма ***стоѣщихъ**, препозитивная по отношению к управляющему глаголу, в то время как постпозитивное дополнение по крайней мере к XIII в. (*Гр, Др, НБ895*) приобрело аккузативную форму, более свойственную в славянском объектам при **поманѣти**. Следует подчеркнуть, что сосуществование вин. и род. падежей при **поманѣти / поминати** – не редкость в памятниках (см. [23, с. 199–200]), ср.: **Поминати же соущинихъ въ монастырьхъ · агльскыи образъ носашата** Изб 1076, 199 (греч. не установлен); **помани варивъшихъ** [РП] **ти** и **трудоуники** [ВП] **иже прѣдъ тобою СБУ, 236** ($\mu\eta\sigma\theta\eta\tau\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \pi\rho\lambda\alpha\beta\omicron\nu\tau\omega\nu\ \acute{\alpha}\gamma\omega\nu\iota\sigma\tau\acute{\omega}\nu$);

помани ги скъръцагата и дѣею болащата. и оуказвенгата стрѣлами лоукавыхъ вѣсгъ. помани ги мочущихъ сл. и въ тѣснотѣ превъивающихъ ЖН, 378 (в греческом только род. п. – ЖН, 182).

Реконструкция последнего колона, вводящего в тропарь второй предикат – **помани**, заставляет пересмотреть деление текста на синтагмы, диктуемое теми списками, в которых данный колон не сохранился. Более пристальный анализ всего песнопения показывает, что основанный на списке С перевод А.В. Горского: “... твоими притчами просвещаешь поющих тебя верою и стоящих вокруг раки твоего тела” [10, с. 281] (так же – MF II, 355) – создает логическое противоречие: получается, что Кирилл воссиял на земле, *всюду* (слово это недаром пропущено в переводе Горского) просвещая тех, кто – в настоящем времени, т.е. теперь, в момент прославления, – воспевают его и стоят вокруг его раки. Очевидно, что Константин просвещал язычников либо новообращенных *всюду*, куда вела его стезя проповедника, *при своей жизни*, тогда как ученики воспевают его, стоя у его раки в Риме – естественно, после смерти блаженного. Это совмещение в тропаре двух временных пластов обуславливает необходимость иного смыслового и синтаксического членения текста: первое предложение завершается формой причастия наст. вр. ***просвѣщала**, которая, будучи употребленной абсолютивно, имеет значение ‘светя’ (см. СДРЯ IX, 151) и передает имперфективное действие, постоянно сопутствовавшее завершенному действию, выраженному аористной формой предиката ***всина** (ср. [34]); второе предложение начинается причастием наст. вр. от **пѣти**, обозначающим актуальное действие, осуществляемое учениками Кирилла сейчас, в момент речи. Именно такое деление славянского текста на предложения принято в польском переводе и в софийском издании кирилловской службы, и нельзя не согласиться с А. Наумовым и И. Добревым, которые трактуют причастия от **пѣти** и **стоѣти** как соотносящиеся с дополнением **оученики** [35; Кл., 570–571]. Единственное уточнение, которое здесь желательно предложить, – синтаксического характера: хотя глагол, от которого зависит указанное дополнение, – ***помани** – в большинстве списков утрачен вместе с дополнением и всем седьмым колоном, а причастия вторичным образом соотнесены с глаголом **просвѣщати**, осмысленным как транзитивный, при реконструкции первоначального текста правомерно было бы, думается, восстановить генитивную конструкцию, которая пережиточно сохранена большинством списков в форме **стоѣщихъ**, реинтерпретированной как **В=Р**.

³⁸ О варьировании исконого **поманѣти** с **помѣнѣти** (результат деназализации) см. [19, с. 57–58].

Тем самым исходный текст третьего тропаря предстает перед нами в следующем виде:

1	* Ѧ ако слънце взснѣ на земли ,	*Ὡς ἥλιος ἔλαμψας ἐν γῆ,	11/9-10
2	оучителю , всѣждоу же	διδάσκαλε, πανταχοῦ δὲ	8/7-9
3	притѣчани ,	παραδείγμασιν,	4/4-5
4	лоучами богогласнѣ ,	ἀκτίσι τῆς θεηγορίας,	8/9
5	просвѣщаѣ . пожщихъ тѣ вѣроу	φωτίζων. Τῶν ὑμνοῦντων ἐν πίστει σε	12/11
6	и о рацѣ стоѣщихъ твоего тѣла ,	καὶ τὴν σορὸν περιστάντων σου σώματος,	13/11-12
7	оученикъ своихъ , блажене , помяни	τῶν μαθητῶν σου, μάκαρ, μνήσθητι	13/10-11

‘Ты просиял на земле как солнце, учитель, всюду светя притчами – лучами богогласия. Тех, кто с верою воспевае тебя и стоит вокруг раки с твоим телом, учеников своих, блаженный, помяни’.

Завершая анализ трех основных тропарей 9-й песни, мы хотели бы обратить внимание на то, что для этих песнопений, по-видимому, можно указать источник парафразирования, каковым, по нашему мнению, являются две стихиры Петру

Александрийскому, не только тематически, но и текстуально во многом совпадающие с кирилловскими тропарями. Сначала приведем параллельно славянский текст этих стихир, сохранившийся в новгородской Минее 1097 г. (Яг., 448), и реконструированный текст тропарей кирилловского канона, подчеркнув сплошной линией совпадающие либо однокоренные лексемы, а пунктиром – сходные выражения и образы:

<p><u>Петроу</u> <u>вѣрховнѣмоу</u> <u>оученикъ</u> <u>оѣ</u> <u>взвѣ</u> · на <u>камене</u> <u>того</u> <u>сѣзда</u> · <u>какоже</u> <u>драгъ</u> <u>камень</u> <u>себе</u> <u>прехвальне</u>... <u>цркви</u> <u>вздвиже</u> <u>вѣни</u> · на <u>чьсть</u> <u>сѣзда</u> <u>тронца</u> · <u>блажене</u> <u>о</u> <u>ненже</u> <u>подвизася</u>.</p> <p><u>Ѧ</u>ако <u>свѣтло</u> <u>и-западъ</u> <u>слънце</u> <u>взснѣта</u> [так!] <u>оѣ</u> · <u>землю</u> <u>просвѣщаѣ</u> <u>зарю</u> <u>оучениа</u> <u>ти</u> · и <u>разоумъ</u> <u>свѣтло</u> · <u>дошдъ</u> <u>же</u> <u>взсточнѣта</u> <u>странзи</u> <u>трьблѣ</u> <u>жне</u> <u>занде</u> <u>оумьриваѣ</u>...</p>	<p>*Ѧако свѣтила тѣ драга христосъ взложи блѣщати вз коньчихъ свѣтѣ вѣнѣ ци цркви вѣнѣ ме егоже ради до смерти подвизася множа вѣрнаѣ вспитѣ ннѣ разоумѣ ннѣ и говѣ ннѣ.</p> <p>*Пароу блажене оученикъ взистъ егоже дѣтѣ ль ма послѣ доу а пронде до краи западнѣ ихъ...</p> <p>*Ѧако слънце взснѣ на земли оучителю, всѣждоу же притѣчани лоучами богогласнѣ просвѣщаѣ...</p>
--	---

Это сопоставление, демонстрирующее значительные лексические и семантические пересечения, не имеет, однако, доказательной силы, так как перевод ноябрьской Минее явно относится ко времени более позднему, нежели создание греческого текста кирилловского канона. Очевидно, что парафразированию при составлении последнего подвергались *греческие* стихиры, написанные, как можно предположить, тем же автором, кто сочинил и канон Петру Александрийскому, – а именно знаменитым гимнографом IX в. Феофаном (Начертанным), перу которого принадлежат и два других канона, использовавшиеся как источник парафразирования при создании службы Кириллу, – каноны Павлу Исповеднику и Григорию Нисскому [1, с. 40; 2, с. 27]. Сравнение стихир Петру Александрийскому и реконструированного греческого текста тропарей

в честь Кирилла свидетельствует о том, что прямые лексические совпадения славянских переводов не обязательно восходят к одинаковым выражениям оригиналов, однако семантическое сходство многих лексем, от близости до полной синонимии, в обоих греческих текстах – реальном и гипотетическом – бесспорно, ср., с одной стороны, почти точное совпадение конструкций: Πέτρον... μαθητής... γεγονώς – *Παύλου... μαθητής ἐγένου, λίθον ὡσπερ τίμιον – *Λύχρον... ὡς τίμιον, ὑπὲρ ἧς ἠγωνίσω – *δι' ὄν... ἠγωνίσαι, Ὡσπερ... ἥλιος – *Ὡς ἥλιος, с другой – синтаксическую и/или семантическую близость слов и оборотов: ἐπιφθάσας δὲ μέρεσιν Ἐφῶς – *ἔφθασας ἄκρας ἐσπερίας /Ἐσπερίων/, καταλαμπρύνων τὴν γῆν – *ἔλαμψας ἐν γῆ, αἶγλη τῶν δογμάτων ‘блеском учений’ – *ἀκτίσι τῆς θεηγορίας.

<p><u>Πέτρον</u> <u>Κορυφαίου</u> <u>μαθητής</u>, <u>πάτερ</u>, <u>γεγονώς</u>, <u>ἐπὶ</u> <u>πέτραν</u> <u>τούτου</u> <u>ἐδόμησας</u> <u>λίθον</u> <u>ὡσπερ</u> <u>τίμιον</u> <u>σαυτόν</u>, <u>πανεύφημε</u>... <u>ναοὺς</u> <u>δὲ</u> <u>ἠγειρας</u> <u>θείους</u> <u>εἰς</u> <u>τιμὴν</u> <u>τῆς</u> <u>Τριάδος</u>, <u>μάκαρ</u>, <u>ὑπὲρ</u> <u>ἧς</u> <u>ἠγωνίσω</u>... (MR II, 260)</p>	<p>*Λύχρον σε ὡς τίμιον Χριστὸς ἐνέθη κε τοῦ ἀστράπτειν ἐν τοῖς πέρασι θείως στεφάνω ἐκκλησίας, δι' ὄν μέχρι θανάτου ἠγωνίσαι πληθύνων τὰ τῆς πίστεως θρέμματα διὰ τὴν γνώσιν καὶ εὐλάβειαν.</p>
---	---

<p>Ὡσπερ φωτοβόλος ἐκ δυσμῶν ἥλιος ἀνέτειλας, πάτερ, καταλαμπρύνων τὴν γῆν αἰγλήτων δογμάτων σου καὶ τῶν στιγμάτων φαιδρῶς, ἐπιφθάσας δὲ μέρεσιν Ἐώας, τρισμάκαρ, ἔδυσ θανατούμενος... (MR II, 261)</p>	<p>*Παύλου, μακάριε, μαθητῆς ἐγένου, οὐ ἐνεργείαις ἐπόμενος ἔφθασας ἄκρας ἑσπερίας... *Ὡς ἥλιος ἔλαμψας ἐν γῆ, διδάσκαλε, πανταχοῦ δὲ παραδείγμασιν, ἀκτίσι τῆς θεηγορίας, φωτίζων...</p>
---	---

Разумеется, почти при всех этих совпадениях речь идет о частотных лексемах и общих местах, однако концентрация подобных выражений на узком пространстве двух стихир и трех тропарей, как мы полагаем, не случайна, а обусловлена намеренной ориентацией автора кирилловского канона, Василия, на слог и образную систему его старшего современника.

Первые буквы трех реконструированных греческих тропарей (9.1–9.3) составляют последовательность ΛΠΩ, которая очевидно завершает форму μέλω ‘пою, воспеваю’, начатую в 8-й песни (8.3: *Μέγαν σε φραγμόν, 8.4: *Ἐν γράμμασι). Тем самым надежно реконструируемый текст акростиха включает слова ΚΛΕΩ<Σ>... ΒΑΣΙΛΕΙΟΣ ΤΩ ΦΙΛΟΣΟΦΩ ΜΕΛΠΩ, т.е. Κλέος Βασίλειος τῷ Φιλοσόφῳ μέλω букв. ‘славу Василий Философу пою’. Аграмматизм этой фразы, включающей предикат в 1-м, а не 3-м лице, не является необычным для греческих акростихов, ср.: Ἀθλοφόρον Δημήτριον ἄσμασι Μάξιμος ὑμῶν (Foll. I, 50) ‘Стратотерпца Димитрия песнями Максим воспеваю’, Μεθοδίῳ Φώτιος ὕμνον προσφέρω (АНГ XIII, 329) ‘Мефодию Фотий гимн преподношу’, Στέφω σε, Νικόλαε, Νικήτας ὕμνοις (XIII, 330) ‘Венчаю тебя, Николай, Никита гимнами’, ῥῶδῆν σοι, Διόμηδες, ὁ σὸς νῦν Μάξιμος ἄδω (Максим Плануд) ‘песнь тебе, Диомед, твой ныне Максим пою’.

Установление финальной формы акростиха, оканчивающейся тропарем 9.3, означает, что на последний тропарь кирилловского канона – богородичен 9-й песни – акростих не распространялся (см. [15, с. 337]). Выведение данного тропаря за пределы акростиха не означает, однако, его неорганичности для канона (ср. [15, с. 337]). Такая ситуация находит соответствия в реально засвидетельствованных акростихах, к которым могут присоединяться “лишние” буквы, причем не только в конце, но и в середине канона; так, например, для акростиха Κύριλλον ὑμῶν τὸν πρόεδρον Αἰλίας (MR IV, 107–111) лишним ока-

зывается богородичен 9-й песни, который начинается с той же Σ, что и предыдущий тропарь, в акростихе Χρυσαιγῆ αἰνῶ τῶν Ἀναργύρων χάριν Γεώργγιος (АНГ XIII, 334) избыточна вторая ρ в имени автора, а к тропарям канона Марии Египетской, образующим акростих Δέχου ἀνάγνωιν χειλέων, μήτερ, ὕμνον, присоединяются еще два тропаря 9-й песни, начинающиеся с букв Ν и Σ, которые не имеют отношения к акростиху (АНГ VIII, 2–10); по наблюдениям В. Вая, такой известный византийский писатель, как Иоанн Мавропод (XI в.), “порой добавляет в конце акростиха совершенно произвольные буквы”, например: ἰωαννηνῦ, μοναχονε, ἰωαννηνῶ [36, с. 64].

Подобно всем другим богородичнам кирилловского канона, исследуемый тропарь отсутствует в Z и P, однако представлен в Вен, 259г и НБ122, 3166 в каноне апостолам, который входит в цикл общих служб, атрибутируемый Клименту Охридскому [37; 38]. Как было установлено Д. Кристианс [14, с. 89–90], богородичен представляет собой перевод феотокиона, входящего в состав канона св. Луппу (22 августа, см. MR VI, 383). Это произведение Иосифа Песнописца включено, однако, и в целый ряд других канонов (см. Foll. V/1, 46; АНГ XI, 182), т.е., очевидно, пользовалось широкой популярностью у составителей гимнографических текстов – к каковым принадлежал и создатель кирилловского канона. Соотношение оригинала с рукописной традицией славянского перевода уже было рассмотрено нами в 2005 г. [1, с. 36–39], причем выяснилось, что из всех версий греческого текста наибольшую близость к славянскому обнаруживает опубликованный Ф. Витали в 1738 г. и упомянутый в аппарате к АНГ XI, 182 вариант, содержащий форму κειμένην ‘(душу) лежащую’ = лежацинѣж (Ил, 131v) vs. κείμενον ‘[меня] лежащего (подними)’ в других изданиях. Не повторяя здесь проведенного ранее текстологического анализа, ограничимся параллельным представлением реконструированного славянского текста и ближайшей к нему версии греческого в соответствии с членением на колонны, принятым в настоящей работе:

1	*Дочѣми твоѣго свѣта, прѣпѣтага, доушж моѣж нзинѣ просвѣти, лежацинѣ въ ровѣ гъивѣльнѣ, въздвигни, врагъи съкроушашѣши оскръблѣаѣща присно моѣж доушж и къ грѣхомъ порѣжѣша ма	Φωτὸς τοῦ ἐν σοὶ μαρμαρυγαῖς, θεόνομφε, τὴν ψυχὴν μου φωταγώγησον κειμένην βόθρῳ ἀπωλείας, ἀνάστησον, ἐχθροὺς καταράσσουσα τοὺς θλίβοντας ἀεὶ τὴν καρδίαν μου καὶ πρὸς τὰ πάθη συνωθοῦντάς με	8/9-10 8/7-9 5/4-5 10/9 10/11 11/11-12 10/10-11
---	--	---	---

‘Сиянием твоего света, Препетая, душу мою ныне просвети, лежащую в гибельном рве, подними [ее], сокрушая врагов, удручающих присно мою душу и подстрекающих меня на грехи’.

Наибольшие проблемы при сравнении двух текстов создает непонятное изменение порядка слов в первом колоне. Ранее мы высказали предположение, что главную роль здесь играло стремление переводчика к сохранению схемы ударения в двух начальных слогах [1, с. 36–37]. Однако многочисленные рассмотренные нами тропари на ирмос *Εὐα μὲν τῷ τῆς παρακοῆς*, как и реконструированные тропари 9.1–9.3, свидетельствуют о том, что ударение в этой позиции было совершенно несущественно. Теперь нам трудно согласиться и с тезисом о желании переводчика придать тексту “большую синтаксическую стройность” путем устранения греческой инверсии [1, с. 37]: эта инверсия ни малейшим образом не препятствует восприятию текста, и при обычном бережном отношении переводчика кирилловского канона к синтаксису его оригинала такая перестановка была бы загадочным исключением³⁹. Думается, что переводчик, напротив, сохранил структуру колона в неприкосновенности, а изменение текста принадлежит автору канона: Василий, регулярно обращавшийся к гимнографическим образцам, но творчески перерабатывавший их, и в данном случае не стал стесняться себя точным воспроизведением стихов Иосифа Песнописца, но вступил с ним, так сказать, в отношения соавторства, позволив себе небольшое варьирование в расположении слов – *Ταῖς μαρμαρυγαῖς τοῦ σοῦ φωτός,

ср. сходный инципит: *Ταῖς μαρμαρυγαῖς περιπαρεῖς* (MR III, 368).

Перед глазами переводчика очевидно не было и формы *θεόνυμφε* ‘Богоневесто’, которая не могла быть переведена ни как *прѣпѣтѣа* (чтение большинства списков), ни как *прѣтѣа* (Гр, Вен, Ск, Др, НБ895, Хл166, НБ122), ни как *прѣсѣтѣа* (Хл152). По-видимому, заменой эпитета мы также обязаны Василию, который предпочел употребить в данном контексте вокатив **πανύμνητε* (или **πανάμωμε*, что, однако, кажется менее вероятным ввиду относительно поздней фиксации варианта *прѣчнстѣа*).

Повсеместное (за исключением Ск, Хл152, НБ122) использование в славянских списках наречия *нѣинѣ*, не имеющего соответствия в греческом, также, на наш взгляд, следует приписать инициативе автора канона, заменившего пятисложный императив *φωταγωγήσον* четырехсложным сочетанием **vŭn fŏtison*.

В остальном богородичен 9-й песни, как и богородичен 1-й песни, для которого также идентифицирован греческий оригинал (см. [14, с. 90; 1, с. 35–36]), представляет собой весьма точный перевод феотокиона Иосифа Песнописца.

* * *

Итак, реконструкция канона в честь Кирилла Философа завершена. На нынешнем этапе исследования исходный текст гипотетического греческого оригинала и славянского перевода воссоставляется нами следующим образом⁴⁰:

кѧ · гла · ѧ ·

пѣ · ѧ · Отверъзж оустѣ мога – *Ἀνοίξω τὸ στόμα μου*

1.1	1	*Въ чашѣ прѣмъдрости	*Κρατῆρι σοφίας σου,
	2	божьствънѣ ти оустѣнѣ	[μάκαρ], τὰ χεῖλη τὰ ἔνθεα
	3	приложь, напитъса	ἐπιθεῖς ἐνέπιες
	4	съпасъна питнѣа,	τοῦ σωτηρίου ποτοῦ,
	5	разоумомъ же	διανοίᾳ δὲ
	6	свѣтъ сѧ гави ѡзъзикома	φῶς τῶν ἐθνῶν ἐδείχθης
	7	и сѣкъра сѣкжци	καὶ ἀξίνη κόπτουσα /τέμνουσα/
	8	лъсть неприазниж.	τὴν πλάνην τοῦ πονηροῦ.
1.2	1	*Просвѣтъ гаво свѣтило тѧ	*Λαμπρύνας ὡς λύχνον σε
	2	свѣтодавьць христосъ	ὁ φωτοδότης ἀνέδειξε
	3	богъ нашъ, въсѣмъ	Χριστὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν
	4	гави оучитѣлѣа	πᾶσι διδάσκαλον

³⁹ Ср. точную передачу более поздним переводчиком аналогичного начала богородична 9-й песни в каноне св. Иануарию: *Φωτὸς τοῦ ἐν σοῖ μαρμαρυγαῖς* (MR IV, 351) – *Свѣта твоего сънне* [вм. *съннемъ?*] (Т110, 75r). Влияние этого перевода годовой Минеи отразилось, по-видимому, в версии списков группы НБ902, которые на месте *дъжчми* демонстрируют *Сѧннѣ*, -ннѧ, -ннѧ.

⁴⁰ Начальные буквы греческих тропарей, составляющие акростих, выделены полужирным.

	5	И ПОСЛА ТЛ	καὶ ἀπέστειλε
	6	ΟΥЧИТЪ ТЪМЪНЪИХЪ	διδάσκειν τὰ ἐν σκότει
	7	КЪНИГАМИ ЗАКОНА	νομίμοις /τοῦ νόμου τοῖς/ γράμμασιν
	8	ѠЗЪИКЪИ ЗАПАДЪНЪИѠ.	ἔθνη τῆς δύσεως /ἐσπέρια/.
1.3	1	*СВѠТЪИМЪ ДОУХОМЪ	*Ἐν ἀγίῳ πνεύματι
	2	ОТЪ ПЖИНИИ ИЗЪ(Ъ)ВЛѠЧЕ	ἐκ τοῦ πελάγου ἀνεῖλκυσας
	3	ВОЖИЕМЪ СЛОВОМЪ	τῶν - λόγων τοῦ Θεοῦ
	4	БЛАГЪИѠ ВѠРЪИ /БЛАГОВѠРИѠ/, МЖДРЕ,	τῆς εὐσεβείας, σοφῆ,
	5	ДРАГЪ ВИСЪРЪ	τὸν μαργαρίτην,
	6	И КЪНИГАМИ, БЛАЖЕНЕ,	καὶ τοῖς γράμμασι, μάκαρ,
	7	ѠЗЪИКЪИ СВѠТИ /ОБОВАТИ/	τὰ ἔθνη ἡγίαςας /ἐπλούτισας/
	8	ВОЖИѠ ЗАКОНА.	τοῦ νόμου τοῦ Θεοῦ.
1.4	1	*КрасьниѠ прѠимѠѠ	Ῥωαίων ὑπέρτερος
	2	НЕБЕСЪИ(И)МЪ СИЛАМЪ	τῶν οὐρανίων δυνάμεων
	3	ВОЖИИ ТВОИ ВЪИТЪ	ὁ θεὸς σου γέγονεν
	4	ХРАМЪ ДОУШЕВЪНЪ,	οἶκος ὁ ἔμψυχος,
	5	КАЖЕ ВЪ ЧРѠВѠ	ἢ ἐν μήτρᾳ σε
	6	ПОНЕРАШИ ТЛ ДѠВА,	βαστάσασα Παρθένος,
	7	ГОРА ПРѠСВѠТАѠ	τὸ ὄρος τὸ ἅγιον
	8	ТВОѠ ВОГА НАШЕГО.	σοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν.
		ПѠ · Г · СЪ ВЪИСОТЪИ СЪИИДЕ – 'Αφ' ὕψους κατήλθες	
3.1	1	*Словомъ и срьдцеѠ	*Λόγῳ καὶ καρδίᾳ
	2	И ѠЗЪИКОМЪ ХРИСТА	καὶ γλώσσει τὸν Χριστὸν
	3	СЪИѠ ПРОПОВѠДА ВОЖИѠ,	Υἱὸν ἐκήρυξας τοῦ Θεοῦ
	4	ПРѠМЖДРОСТЪ ЖЕ И СИЛЖ	σοφίαν τε καὶ δύναμιν
	5	И СЛОВО ВЪПЪИЦЪИШЕСѠ,	καὶ Λόγον σαρκωθέντα,
	6	БЛАЖЕНЕ, СТРОУНАМИ	ὅσιε, νεῦροις
	7	ПРИТЪЧЪНАМИ	τῶν παραδειγμάτων [σου]
	8	ОУДАВИ ТРИѠЗЪИЧЪНИКЪИ.	τριγλώσσους ἔπνιξας.
3.2	1	*ЦѠВЪНИЦА ПРИТЪЧЪНА	*Λύρα {αἰνιγμάτων}
	2	СВѠТА ВЪ ИСТИНЖ	ἀγία ἀληθῶς
	3	ГОВИСѠ, БЛАЖЕНЕ КЪРИЛЕ,	ἐδείχθης, μάκαρ Κύριλλε,
	4	ГЛАСѠ НАМЪ СЪПАСЪНА	φωνὴν ἡμῖν σωτήριον
	5	СВѠТЪИМЪ СЪВЖКОМЪ	ἤχῳ τῷ ἀγίῳ
	6	ДОУХОВЪИМЪ	πνευματικῷ -
	7	БРАЦАѠЖЦИ ПРѠКРАСЪНО,	περικαλλῶς κρούουσα,
	8	СЪИѠ ОУТЪГОНЪЦИ.	ὑπνον ἐλαύνουσα.
3.3	1	*О оуѠе огньѠ,	*Ῥοῦς ὁ πυρφόρος,
	2	О ГЛАСЪНА ТРОУЕО,	ὦ σάλπιγξ ἢ λαμπρά ⁴¹ ,
	3	О СЛАВИЮ ПРѠСНИВЪИИ,	ὦ ἀηδῶν ἢ {ψῳδική},
	4	О ЛАСТОВИЦЕ ГЛАГОЛИѠ,	ὦ χελιδὼν ἢ εὐλαλος,
	5	О ѠЗЪИЧЕ СЛАЖДИИ МЕДОУ	ὦ γλώσσα γλυκυτέρα
	6	ВЪ ПРИТЪЧАХЪ,	μέλιτος - ,
	7	КЪРИЛЕ ПРѠМЖДРЕ,	ὦ Κύριλλε πάνσοφε,
	8	ВЪСѠ НЪИ ПОМЪНИИ.	πάντων ἡμῶν μνήσθητι.
3.4	1	*СъвѠтомъ отъчемъ	*Βουλήσει πατρῶα
	2	БЕЗНАЧАЛЬНЪ СЪИИЪ	ὁ ἀναρχος Υἱὸς
	3	ТАКО СЛОВО ВЪ ЛОЖЕИѠ ТВОѠѠ	ὡς Λόγος τὴν κοιλίαν σου
	4	ОСѠНЕНИЕМЪ СВѠТАГО	ἐπισκιάσει Πνεύματος

⁴¹ Ср. въпниѠемъ паче трѠубѠи гласънѠѠ Зл., 174в – βοὸντων σάλπιγγος λαμπρότερον (Иоанн Златоуст).

	5	ДОУХА, БОГОРОДИЦЕ,	Ἁγίου, Θεοτόκε,
	6	ВЪСѢЛЪСА ПЛЪТНЪЖ,	σαρκὶ οἰκήσας,
	7	РОДИСА НѢ ТЕБЕ,	ἐκ σοῦ - γεγέννηται,
	8	СЪПАСАСА ЧЛОВѢКА.	σῶζων τὸν ἄνθρωπον.
		пѣ̇ · Ѧ̇ · ѠѢДЛИ ВЪ СЛАВѢ – Ὁ καθήμενος ἐν δόξῃ	
4.1	1	*ИНЪ АВРАМЪ ГАВИСА,	*Ἄλλος Ἀβραὰμ ἐδείχθη,
	2	ПРѢСѢЛЬНИКЪ, БЛАЖЕНЕ,	μετανάστης, μακάριε,
	3	ВЪЗІВЪ ОТЬЧѢСТВА,	γεγονὼς πατρίδος·
	4	ПОХОТНЪЖ МЖДРОСТИ БОЛЬША	ἔρωτι σοφίας τῆς μείζονος
	5	ТАКО ЗЛАТЪИМИ МОНИСТЪИ	ὡσπερ χρυσεῖς ὀρμίσκοις
	6	ОУКРАСИСА,	κεκαλλώπισαι,
	7	ЛОУЧАМИ ПРѢСВѢТЬЛАМИ СЪБЛО	ὑπερφώτοις ἀκτίσι σφοδρῶς
		ОБЛИСТАТАСА.	ἀστραπτόμενος.
4.2	1	*КОПИСМЪ СЛОВЕЗЪ ТИ	*Σειρομάστη σου τῶν /τῶν σῶν/ λόγων
	2	ТАКО ЗАМБРНЪЖ ПРОМЪЗЕ,	ὡς Ζαμβρῆν ἀπ/ἐξ/εκέντησας,
	3	МАДИАНЪСТЪИ	τῶν Μαδιαναίων
	4	ЕРЕСИ ПРИЛОЖИСА ГОРЬКО,	[πάση] τῇ αἰρέσει πικρῶς προσβαλῶν,
	5	ТЪЛЕСНАГО ОБРАЗА	τὸν τὴν εἰκόνα σώματος
	6	ОТЪМѢТАЖИЦИСА	ἀπαρνούμενον
	7	ГАВЪШАСА ВЪ ПЛЪТЬ ИСОУСА	τοῦ φανέντος σαρκὶ Ἰησοῦ τοῦ ἀπὸ Ναζαρέτ.
		НАЗАРЕНСКАГО.	
4.3	1	*РАВНЪЖ СЖЩЖ ПРОПОВѢДА	*Ἴσῃν ἐκήρυξας οὖσαν
	2	СИЛЖ СВАТААГО ДОУХА	δύναμιν τὴν τοῦ Πνεύματος
	3	ОТЬЦОУ И СЪИНОУ,	Ἁγίου τῷ Πατρὶ (?)
	4	ТРЪСЛЪЗНЪЧНААГО ГЛАСА,	τῷ Υἱῷ τε, φθόγγον /φέγγος/ τρισήλιον,
	5	ИЛИЖЕ БОЗИ ВЪЗІВАЕМЪ	ὅθεν θεοὶ γινόμεθα
	6	ПО ПОДОБИЮ	καθ' ὁμοίωσιν
	7	И ДЪНИ СЪИНОВЕ И СВѢТЮУ СЪНАСЛѢДЪНИЦИ.	καὶ ἡμέρας υἱοὶ καὶ φωτὸς συγκληρόνομοι ⁴² .
4.4	1	*ИЗЪВЪЛЪШЕСА ПРЪВАГО	*Αὐτρωθέντες τῆς ἀρχαίας
	2	ОТ(Ъ)РЕЧЕНИА АДАМОВА /АДАМІА/	τοῦ Ἀδὰμ ἀποφάσεως
	3	ТОВОКЪ, ДѢВИЦЕ,	διὰ σοῦ, Παρθένε,
	4	ОБРѢТОМЪ РАДОСТЬ НЕНЪЗЛАГОМАНЖ.	εὐρομεν χαρὰν ἀνεκκλάλητον·
	5	БЛАГОСЛОВЕННИЕ (ВО) ВЪРѢМЪ	τὴν εὐλογίαν γὰρ πᾶσιν
	6	РОДИЛА КСИ,	ἀπεκύησας
	7	СЪИНА БОЖИТА И БОГА ВЪ НАШЪ	τὸν Υἱὸν τοῦ Θεοῦ καὶ Θεὸν ἐν μορφῇ
		ОБРАЗЪ.	ἡμῶν.
		пѣ̇ · Ѡ̇ · НЪИНѢ ВЪСТАИЖ – Νῦν ἀναστήσομαι	
5.1	1	*ИЗІСЛИНЪЖ СВОКЪЖ	*Ἐν διανοίᾳ σοῦ
	2	ОУКРАШИШИСА, БЛАЖЕНЕ, ДОБРѢ,	ὠραιωθέντος, μάκαρ, καλῶς,
	3	БЛАГОДѢТЬ ИЗІНАСА	χάρις ἐκκέχυται
	4	ТЕБѢ ВЪ ОУСТЬНАХЪ	σοὶ ἐν τοῖς χεῖλεσιν
	5	ДОУХОВНАГА, МЖДРЕ,	ἢ τοῦ Πνεύματος, σοφέ,
	6	И НЕЧЕСТВОУЖИЦИНЪ	καὶ ἀσεβούντων
	7	ГЛАВНИНЪЖ ИСЖЧИ	ἀπεξήρανας βυθὸν
	8	НАВОДНЪЖ СЛОВЕЗЪИ ТВОИМИ.	τὸν {ἐπαγωγὸν} ἐν τοῖς λόγοις
			/διὰ λόγων/ σου.
5.2	1	*СТОГАСЕ КРѢПЪКО,	*Ἴστασο {κράτιστα}
	2	ПОСОКОВЪА ПО ВѢРѢ, МЖДРЕ,	ὑπερμαχῶν πίστεως, σοφέ,

⁴² Ср. в TLG неоднократные примеры ударения κληρόνομον у Дидима Слепца, συγκληρόνομοι – у Псевдо-Макария и аналогично в некоторых других источниках.

	6	красотоѣхъ	ὄραιοῦτι
	7	и сластнѣхъ словесѣхъ си	καὶ γλυκασμῶ τῶν λόγων σου
	8	възгониши, оучителю.	εἰσελαύνεις, διδάσκαλε.
7.2	1	*Не оустрашиша, оучителю, воиньскыи	*Οὐ κατέπτηξας, διδάσκαλε, πολεμικῶς
	2	единъ взнннн	μόνος εἰσέρχεσθαι
	3	(въ) плъкъ жидовьскъ,	στίφος Ἰουδαϊκόν,
	4	сѣсѣкъ народъ ихъ	συγκόψας λαὸν αὐτῶν
	5	мъдростнѣхъ, развѣрже,	σοφία, ἔρρηξας,
	6	стълпъ тако	τὸν πύργον ὡσπερ
	7	и онъ халаньскъи,	ἐκείνον τῆς Χαλάνης -,
	8	пророчьскыи притчъами.	προφητικαῖς παροιμίαις.
7.3	1	*Тѣ источникъ знаменана сѣвѣмъ	*Σὲ πηγὴν ἐσφραγισμένην ἐπιστάμεθα
	2	правѣи вѣрѣ, мѣдрѣ,	ὀρθοδοξίας, σοφέ,
	3	водъ златоточнъи	νάμα χρυσόρρυτον /χρυσόρρειθρον/
	4	напаяюща вьегда	ποτίζουσιν πάντοτε
	5	благъи вѣрѣ сѣиъи,	τοὺς εὐσεβείας υἱοὺς
	6	испаяюща же	ἐκπληροῦσαν τε
	7	такъ рѣкъ течениемъ	ὡς ποταμόν ἐκβλύσειν
	8	цркъвъ господнѣхъ.	/τοῖς ῥεύμασιν/ /ταῖς ῥεύσεσιν/ ἐκκλησίαν τοῦ Κυρίου.
7.4	1	*Невесъ ширьшѣ тѣ сътвори богъ	*Οὐρανῶν σε πλατυτέραν ἀπειργάσατο
	2	въ ложе на твоѣ	Θεὸς ὁ μήτραν σου
	3	въселъса, рѣчнстага,	οἰκήσας, πάναγνε.
	4	тѣмъ ти сѣ молимъ.	Διό σου δεόμεθα
	5	сѣтжжыжщъ ми,	στενοχωρούντων με,
	6	браконенскоуьсна,	ἀπειρόγαμε,
	7	рѣгрѣшени и збави	ἀμαρτημάτων λύτρωσαι
	8	широтѣхъ покаианна.	πλατυσμῶ τῆς μετανοίας.
		пѣ · н · Отрокъи рѣчнстѣиѣ – <i>Παῖδας εὐαγεῖς ἐν τῇ καμίνῳ</i>	
8.1	1	*Свѣтѣ приложъса свѣтъ гависа	*Φωτὶ προσβαλὼν φῶς ἀνεδείχθης
	2	възнитию еже отъ бога, о философе.	εἰσόδῳ τῇ ἐκ Θεοῦ, ὡ φιλόσοφε·
	3	инъ бо обрѣтѣса	ἄλλος γὰρ κατήνησας
	4	павъ дѣтѣльми,	Παῦλος ἐνεργήμασιν
	5	рѣрнстага вьсѣхъ землѣхъ,	ὁ περιτρέχων ἅπασαν
	6	въ ѡзъицѣхъ	τὴν γῆν, ἐν ἔθνεσι
	7	слънъца свѣтѣлѣи снѣга	φαιδρότερον ἡλίου ἐκλάμπων
	8	словомъ оучениа,	λόγῳ διδαγμάτων /τῶν δογμάτων/,
	9	оучителю блажене.	διδάσκαλε παμμάκαρ.
8.2	1	*Тѣко жже рѣтръжѣса сѣнъмъ	*Ὡς σχοινίον ἔρρηξας τὸ στίφος
	2	евренскъ остротѣхъ словесѣхъ твоихъ,	Ἑβραίων ὀξύτητι τῶν λόγων σου,
	3	блажене, въ градѣхъ	μάκαρ, τὸ ἐν πόλεσι
	4	сѣверьскъиныхъ	ταῖς ὑπερβορείοις -
	5	козарѣхъ приложъса.	Χαζάροις {προσγενόμενον /συνταξάμενον/}·
	6	тѣи бо мѣножьство немнин	σὺ γὰρ ἀγρίων πληθὺν
	7	посѣче, оучителю, свѣтѣ,	κατέκοψας, διδάσκαλε, θείως,
	8	такъ гонѣа	ὡσπερ τὸν Γολιάθ /ὡς τὸν Γολιάθην/ Δαυῖδ ἐν τοῖς βαρβάροις.
	9	давѣдъ въ поганѣхъ.	
8.3	1	*Велнѣ тѣ оплота и тврѣда	*Μέγαν σε φραγμὸν καὶ ῥωμαλέον
	2	земли паноньска, блажене, и мѣщи,	ἢ γῆ Πανόνων, μακάριε, ἔχουσα,
	3	блѣди еретичьскыи	λήρον τῆς αἰρέσεως

иллюзорные построения, мы можем констатировать, что тропари каждой песни непротиворечиво уместаются в один конкретный ирмос. Стихотметрическая стройность и содержательная целостность каждой из песней позволяют заключить, что все песни составлялись по четкому плану в соответствии со строго определенными, а не варьировавшимися ирмосами. Приведение реконструированного текста третьей песни в согласие с ирмосом *Ἀφ' ὑψους κατήλθες*, повлекшее за собой “реабилитацию” единогогласного чтения всех списков – начальной формы 1-го тропаря **СЛОВОМЬ** – и установление ее естественного греческого оригинала – *Λόγῳ, показало, что в акrostихе канона имени автора – Βασίλειος – предшествовали буквы ΛΛΩ, что, на наш взгляд, не может быть ничем иным, кроме как завершением имени адресата акrostихической фразы, Кирилла Философа, в дат. падеже, согласованном с последующей формой τῷ Φιλόσοφῳ, – Κυρίλλῳ. Из этого, однако, следует, что начало акrostиха, восстанавливавшееся нами ранее [4, с. 16] с опорой на первые буквы 1–4-го тропарей первой песни и 1-го тропаря третьей песни (в реконструкции *Στόματι, признаваемой нами теперь неверной), – а именно ΚΛΕΩΣ, т.е. Κλέος⁴³, скорее всего, складывалось из начальных букв не первой и третьей, а первой и второй песней. Тем самым мы приходим к выводу о том, что в оригинальном тексте канона имелась вторая песнь, которая на славянской почве была элиминирована. Наличие 2-й песни вполне вписывается в традицию, которой непосредственно следовал Василий: известно, что Феофан Начертанный “строил свои каноны то со 2-й песнью, то без нее” [36, с. 66], – так, эта песнь присутствует в каноне Григорию Нисскому (АНГ V, 209–210) и отсутствует в каноне Павлу Исповеднику, имеющем акrostих (см. MR II, 56). Единственная сложность, которая возникает при постулировании исчезнувшей второй песни, – ее состав: учитывая, что для заполнения части акrostиха, находившейся между ΚΛΕΩ и ΛΛΩ, необходимы пять букв – Κλέο<ς Κυρί>λλῳ, мы вынуждены предположить, что вторая песнь состояла не из четырех тропарей, как все остальные песни канона, а из пяти; впрочем, эта неравномерность не является чем-то уникальным: так, например, в каноне Петру Александрийскому, включающем (без богородичнов) акrostих Ἐυκωμίαζω τὸν τρισόβριον Πέτρον (MR II, 263)⁴⁴, на первую-восьмую песни приходится

по четыре тропаря, тогда как на девятую – пять, а в каноне св. Феостирику (АНГ VI, 299–309), также приписываемом Феофану, в первой и девятой песнях имеется по пять тропарей, тогда как в остальных – по четыре.

Таким образом, реконструкция утраченного греческого канона Кириллу Философу на основе сохранившегося славянского перевода свидетельствует о том, что в каноне, изначально состоявшем из девяти песней, имелся акrostих Κλέο<ς Κυρί>λλῳ Βασίλειος τῷ Φιλόσοφῳ μέλω букв. ‘славу Кириллу Василий Философу пою’.

* * *

Подведем итоги.

Со времени обнаружения и публикации первых списков службы Кириллу Философу [39; 40] в научный оборот было введено 25 восточно- и южнославянских списков XI–XVII вв., однако лишь очень немногие публикации соответствуют современным требованиям к изданию древнеславянских памятников: вполне обычны упрощения и прямые искажения текста, несоблюдение строкоделения, введение пунктуации при издании конкретных списков и т.п.; соответственно и публикация канона в нормализованной форме, осуществленная в 2008 г. в Софии (в томе сочинений Климента Охридского) на основе предшествующих публикаций (Кл.), далеко не свободна от ошибок. В ходе работы нами были сверены – преимущественно de visu, реже по фотокопиям – все известные списки службы Кириллу, что позволило не только составить полное представление о языке данных списков, но и вывести полную коллацию разночтений (один из списков, *Пал*, впервые опубликован нами в 2009 г. [41]). Выявление целостной картины вариантов дает возможность во многих случаях делать выводы об исконности либо, напротив, вторичности тех или иных написаний. Как показывают текстологические наблюдения, ни один из списков в точности не сохраняет исходный текст кирилловской службы или даже большую часть протографических чтений; в то же время даже самые “ненадежные”, творчески самостоятельные списки могут содержать чтения или по крайней мере рефлексы чтений, признаваемых первоначальными. Однако и фронтальное сопоставление вариантов далеко не во всех случаях помогает разъяснить так называемые “темные места”; обширная литература, возникшая в области изучения кирилловского канона за 150 лет, в большинстве случаев также не предоставляет необходимых сведений.

⁴³ Ср. смешение о и ω в акrostихах: Καλλιωπίου вм. Καλλιοπίου [36, с. 63]; γεραίρο вм. γεραίρω (АНГ XIII, 333), ἀκραίωνα вм. ἀκρέμονα (Там., 317).

⁴⁴ При этом вторая песнь, с акrostихными буквами ΩΜΙ, в канонический текст службы не входит.

Решающую роль в исследовании канона сыграло установление его переводного характера. Еще в 1877 г. А.Д. Воронов выступил с предположением о том, что служба Кириллу была составлена “греком и на греческом языке” [13, с. 151], однако эта революционная гипотеза была встречена в научных кругах крайне отрицательно, и до самого последнего времени исследователи тратили время на бесплодные поиски создателя “оригинальной” славянской службы, предполагая авторство Мефодия, Наума, Климента Охридского. Недавно один из боннских гимнографистов даже назвал Воронова “славистическим аутсайдером”, заметив, что попытки установить греческий источник некоторых славянских гимнографических текстов (конкретно – канона Димитрию Солунскому) кажутся “почти еретическими” [42] (ср., однако, [43])⁴⁵.

Утвердившееся в науке представление об оригинальном происхождении службы Кириллу – в пользу чего как будто свидетельствовало отсутствие параллельных текстов в опубликованных греческих минеях и инципитариях к ним – было несколько поколеблено Д. Кристианс, которая в 2004 г. установила, что два богородична – первой и девятой песней – являются точными переводами греческих текстов [14, с. 89–90]; и хотя в принципе богородичны могут довольно свободно заимствоваться из одного канона в другой, поскольку, как правило, не связаны непосредственно с житием воспеваемого святого, открытие греческих оригиналов двух тропарей предоставило в распо-

ряжение ученых объективный критерий, позволяющий выяснить, с одной стороны, адекватность содержащихся в различных списках службы противоречивых указаний на ирмос, с другой стороны – степень отражения стихометрической структуры греческих образцов в славянских тропарях, причем не только тех, для которых были определены греческие источники, но и во всех остальных. Идентифицированные греческие оригиналы блестяще подтвердили мысль А.Д. Воронова о том, что исследуемые песнопения, “во многих местах довольно неясные, вообще значительно уясняются при чтении их как произведений греческих” [13, с. 163]. В 2007 г. С.Ю. Темчин путем перевода первых слов нескольких тропарей на греческий язык пришел к убедительному выводу о том, что в каноне читался греческий акростих с формой ΦΙΛΟΣΟΦΩ ‘Философу’ [15], – и тем самым переводной характер канона был в принципе доказан.

В 2005–2007 гг. нами были установлены два греческих канона, послужившие источниками близкого парафразирования в тексте кирилловского канона, – а именно каноны двум деятелям Церкви IV в., в жизни и деятельности которых обнаруживаются параллели с жизнью Константина Кирилла, – св. Павлу Исповеднику и св. Георгию Нисскому [1; 2]; в настоящей статье список источников парафразирования был дополнен двумя стихирами св. Петру Александрийскому. Сравнение этих греческих сочинений, написанных, как явствует из указаний в рукописях, византийским гимнографом Феофаном Начертанным (ок. 778–845), старшим современником солунских братьев, с рядом тропарей кирилловского канона показало, что византийские и славянские тексты демонстрируют далеко идущий параллелизм не только в стихометрии и лексике, но и в морфологии и синтаксисе. Уже одного этого сопоставления оказалось достаточно для того, чтобы разъяснить несколько “темных мест” славянского текста. В целом опубликованные греческие источники в зависимости от степени их отражения в кирилловском каноне могут быть разделены на четыре группы: 1) прямые оригиналы переводных богородичных тропарей (в первой и девятой песнях); 2) источники парафразирования, весьма близкого к оригиналу и сохраняющего стихометрию греческого текста (6.1, 8.4); 3) источники парафразирования, весьма близкого к оригиналу, но не сохраняющего стихометрию греческого текста (1.3, 3.1, 5.1–5.3, 7.1, 7.3); 4) источники частичного парафразирования или заимствования некоторых образов, выражений и контекстов (6.2, 8.1, 8.3, 9.1–9.3, богородичны третьей, шестой и

⁴⁵ К сожалению, иначе как аутсайдерскими трудно назвать многие нетривиальные решения самого немецкого ученого – такие, как превращение вин.-род. п. м. рода агница (τὸν ἀγνόν) в им. п. ж. рода агница (Stern I, 3), или вставка ненужных ерей в формы *ложесна* и *тѣнзын* (II, 237; III, 462), или написание *ε* во втором корне слова *смадзкорѣчнѣ* (II, 457), а также *ливове* вместо *ливъве* (III, 286), или *Ѣл* (в начале фразы!) вм. *Тл* (III, 362), или словоразделы *Ѣдмилѣтъ сын* вм. *Ѣдмилѣтъ сын* ‘будучи семи лет’, (*Строуцали*) *вожъствынали* вместо *вожъствынали* (согласованное именное прилагательное ж. рода), *сѣмьртвостыныца* (*ризы сѣдѣвъ сѣ*) вм. *сѣмьртвостыныца* (дублирование приставки и предлога), *Тижѣ* вм. *Ти же* (Αὐτοῖ δὲ), *Оу имене наго* вм. *Оуименанаго* (страд. прич. прош. от *оуименити*) (III, 172, 262, 264, 402, 498), или загадочное *Тѣчѣмѣ, вѣръни и христа сѣдѣмѣ* вм. *Тѣчѣмѣ, вѣръни, и христа сѣдѣмѣ* (III, 462). Примечательно, впрочем, что все эти досадные ошибки, замеченные нами при спорадических обращениях к “Инципитарию” (Stern I–III), укрылись от пристального внимания рецензента [44]. Пользуясь случаем, приводим греческие источники некоторых инципитов, к которым, по заключению Д. Штерна, “textus graecus non inventus”: *Радоуна, присноживотыныи источникѣ* (Stern III, 19) – Χαῖρε, τὸ αἰείζωνον ῥεῖθρον (Foll. V/1, 66); *Оуготовиласѣ, вѣръни* (III, 487) – Ἐτοιμασθήμεν καὶ ἡμεῖς (Foll. I, 545); *Оуствѣи прѣшьдѣ истинное* (III, 560) – Ὅρος βεβηκὼς ἀτρεκέστατος (Foll. III, 155).

седьмой песней). Таким образом, парафразирование могло осуществляться как в рамках определенной стихотметрической схемы (ирмоса), так и вне этих рамок – на смысловом и грамматическом уровне, с сохранением большинства лексических, морфологических и синтаксических особенностей оригинала, лишь в необходимых и минимальных размерах приспособившегося к реалиям кирилло-мефодиевской эпохи и музыкальному строению соответствующих песней.

Следующий этап исследования состоял в реконструкции, путем сравнения всех сохранившихся списков, первоначального текста славянского перевода и верификации этого текста путем обратного пословного перевода славянского канона на греческий язык. Этот перевод, осуществлявшийся с ориентацией на стихометрию каждой из песней канона, т.е. с учетом не только ирмосов, но и метрических колебаний, демонстрируемых конкретными песнопениями на тот или иной ирмос, позволил реконструировать греческие тексты, которые не только порядком слов, но и своими стихотметрическими особенностями практически полностью укладываются в ирмосы⁴⁶ и в то же время соответствуют славянскому переводу. Неслучайность столь яркого совпадения между славянским и гипотетическим греческим текстами была подтверждена установлением акростиха: начальные буквы первых слов первой и третьей-девятой песней в греческом тексте – с очевидным восполнением несохранившейся второй песни – складываются во фразу ΚΛΕΩ... ΛΛΩ ΒΑΣΙΛΕΙΟΣ ΤΩ ΦΙΛΟΣΟΦΩ ΜΕΛΠΩ, т.е. Κλέω<ς Κυρί>λλω Βασίλειος τῷ Φιλόσοφῳ μέλω букв. ‘славу Кириллу Василий Философу пою’, структура которой (с указанием на автора и адресата песнопения) соответствует многочисленным византийским образцам; тем самым нами было выявлено имя создателя кирилловского канона – Василий. Исторические обстоятельства, в которых мог возникнуть канон первоучителю славян на греческом языке, уясняются благодаря обращению к Житию Константина-Кирилла, которое, как уже давно предполагают ученые, было написано в том же кругу, что и кирилловский канон. Лингвистический анализ текста позволил крупнейшему американскому византинисту И. Шевченко прийти к выводу о том, что Житие появилось в греко-славянской колонии в Риме, представителям которой папа римский и поручил прославление почившего в 869 г. просветителя [45]; этот

вывод мы можем с полным основанием экстраполировать на канон Кириллу.

С литературной точки зрения греческие тропари в честь Кирилла демонстрируют умелое использование всех ресурсов высоко развитой византийской литургической поэзии: выпрениый, замысловатый стиль греческих гимнографов предшествующих веков нашел вполне адекватное отражение в кирилловском каноне. В тексте фигурируют и многочисленные библейские аллюзии, включая прямые цитаты из книг Священного Писания, в том числе второканонических (Псалмы Соломона). Создавая свое творение, Василий смог выполнить главное условие, налагавшееся на него избранным жанром, – соблюсти определенное содержательное и формальное единство песни и канона. С одной стороны, все обычные тропари канона обнаруживают ассоциированность с жизнью прославляемого святого, причем в тексте прослеживается сквозная тема – “обожение” человека, возможное в силу божественной благодати и в силу его собственной деятельности, направленной на подражание Христу. С другой стороны, формальная целостность песней и канона обеспечивается реализацией акростиха.

Перед переводчиком стояла сложная задача – точно, дословно и в то же время удобопонятно передать семантически и синтаксически сложный греческий текст, причем, что особенно существенно, в рамках стихотметрических требований, диктуемых ирмосами. Сопоставительный анализ реконструированных греческого и славянского текстов позволяет заключить, что переводчик в целом весьма успешно справился с этой задачей. В отличие от многих более поздних переводов, славянский текст кирилловского канона, очищенный от позднейших искажений, умножавшихся по мере все новых и новых переписываний текста в Болгарии, Сербии и на Руси, отличается не только верностью оригиналу, но также ясностью и стройностью: ориентируясь на греческий образец, создатель славянской версии канона смог практически безукоризненно уложить грамматическую и смысловую структуру оригинала в метрические рамки, заданные порой совершенно отличными ирмосами, позволив себе при этом лишь незначительные лексические замены. Именно стихотметрические ограничения должны были составить особую сложность для переводчика, который обязан был сохранить в каждом колоне (строке) каждого тропаря количество слогов, соответствующее образцу – ирмосу, и следует подчеркнуть, что это требование было выполнено конгениально: стихотметрический анализ показал, что в переводе кирилловского канона изосиллабизм

⁴⁶ Отдельные отклонения, очевидно, обусловлены исключительно ограниченностью наших знаний обо всем спектре древнейших греческо-славянских переводческих соответствий и экспериментальным характером реконструкции.

соблюдается в весьма значительной степени, – подавляющее большинство колонов либо полностью изосиллабичны греческому, либо отличаются от ирмосов 1–2 слогами (что, как установили музыковеды, легко преодолевалось при распеве тропарей благодаря различным мелодическим приемам). Более того, при сравнении греческого и славянского текстов нередко обнаруживается стремление переводчика к соблюдению еще одного принципа – гомотонии, т.е. сохранения порядка ударений в пределах колона. Хотя современное состояние южнославянской исторической акцентологии далеко не во всех случаях позволяет с уверенностью определить ударение той или иной формы в кирилло-мефодиевский период, имеющиеся исследования все же дают основания заключить, что гомотония играла существенную роль в отборе лексических средств для перевода греческих слов. Тем самым реконструированный текст кирилловского канона оказывается важным источником по исторической акцентологии.

Лингвистический анализ многочисленных “темных” слов кирилловского канона, осуществленный на основе сопоставления всех сохранившихся списков и реконструкции греческого оригинала, позволил прийти к восстановлению исходных чтений. Так, в тропаре 3.1 загадочная фраза *Ил* и других списков *строунами притъчными оудни триъзъичникъ* эмендируется нами с творительным орудия *строунами* и предикатом *оудни*, так как сравнение слов святого со *струнами*, *удушающими* еретиков, находит множество параллелей в византийской поэзии. В двух тропарях (4.2, 6.1) идентифицировано употребление глагола *приложити* в значениях ‘напасть, обрушиться’ и ‘натолкнуться’, до сих пор редко фиксированных словарями. Проблема вариативности *мыслиж / мачтиж* (при глаголе *оукрашити*) в тропаре 5.1 разрешается в пользу первого чтения, поскольку именно *мыслью (разумом)* украсился Григорий Нисский в греческом тропаре, послужившем источником парафразирования для автора кирилловского канона. В том же песнопении выявлен *нарах legomenon наводънъ* ‘мнимый, обманчивый’ как эпитет к *глубинам* еретических учений. Общее ошибочное чтение большинства списков (тропарь 6.1) – *живоуцихъ (притъчахъ)* – в результате сопоставления с источником парафразирования реинтерпретировано как *живительныхъ*, т.е. ‘живительных’. Подвергшаяся многочисленным искажениям в процессе бытования текста форма, которая в большинстве списков выглядит как бессвязное *имена* (6.2), благодаря сравнению синтаксической структуры кирилловского канона с канонам Григорию Нисскому, и в частности с употреблением обращений в каждом тропаре,

идентифицирована как форма обращения, которая в реконструированном греческом оригинале выступала в виде *ὄνομαστὲ* ‘славный, именитый’, а в славянском была передана как вокатив *именне* – с последующими фонетическими изменениями, обусловленными падением редуцированных, и дальнейшим переосмыслением. Загадочный *ханаанский столп*, которому, согласно чтению многих списков, уподоблены иудейские оппоненты Константина Философа (7.2), на широком фоне византийской письменности, и прежде всего сочинений Григория Богослова, вновь, вслед за А.В. Горским [10, с. 277] и вопреки полтора столетней традиции неверных интерпретаций, отождествлен с *халанским столпом*, неоднократно упоминаемым в сочинениях греческих авторов вплоть до XIX в., – т.е. Вавилонской башней, строившейся в земле Халне. Бессмысленное *множества не имзи послъче* в С и других списках (8.2) разъясняется как искаженная форма род. п. мн. ч. *немими* – от существительного *немимъ* ‘необузданный, дикий зверь’ – при объекте вин. п. *множество*. В тропарях 8.2 и 9.1 реконструировано употребление редкого, очевидно, моравского по происхождению наречия *свѣтъ* ‘божественно’. Установлено, что существительное *вспитънниа* в тропаре 9.1, выступая в качестве объекта при глаголе *множити*, выражало значение ‘питомцы’, а соотносящаяся с ним форма прилагательного *вѣрнзи*, варьирующаяся по спискам, эмендирована как согласованное определение *вѣрнага* в значении ‘(питомцы) веры’.

В славянском переводе кирилловского канона выявлен ряд архаичных языковых черт, которые позволяют отнести возникновение текста к древнейшему периоду славянской письменности. Так, в каноне реконструируется форма простого аориста (1-е л. мн. ч. *обрътомъ* – 4.4), архаическое спряжение производных от глагола *вѣдѣти* (1-е л. мн. ч. *свѣмъ* 7.3, *проповѣмъ* 8.4), вин. падеж м. рода действительного причастия наст. времени на *-шь* (*отъмѣтажъсь* 4.2), род. падеж при супине (1.2: *оучитъ тьмънъхъ*, но далее вин. п. *ъзъикъ* в соответствии с греческим) и при глаголах с приставкой **от-* (*съна отъгонати* 3.2, *неотвръстъ оставилъ ксть* 6.4), беспредложный родительный (*отъчества*) при существительном *рѣселъникъ* (4.1), беспредложный локатив при глаголах с определенными приставками (*ереси приложь* 4.2, *свѣтъ приложь* 8.1, *козарѣхъ приложь* 8.2, *въложи... вѣнци* 9.1), регулярное использование дат. падежа приименного в соответствии с греческим генитивом, амбивалентное употребление постфикса *са* при двух возвратных глаголах (*храняща* и *вожъствомъ простѣлажъщи* 6.2). Отражением переводного характера текста являются немногочисленные грецизмы – переда-

ча артикля посредством относительного местоимения: *гаже... понесъши та дѣла* (1.4), *възвнѣтии кже отъ бога* (8.1); дат. падеж в значении творительного (*възвнѣтии* 8.1), постановка полуэнклитики *та* в начало фразы (7.3), оборот *рака тѣла* (9.3), генитив при *поманѣти* (9.3). В то же время в переводе зарегистрированы отдельные инновационные черты, наличие которых, однако, не противоречит ранней датировке текста: неисконные флексии в *словомъ* 1.3, 5.2, *словомь* 3.1, 5.3, 8.1 (vs. *словесъ* 4.2, 7.1, 8.2, *словесы* 5.1), *тѣла* 9.3, *сына* 3.2, 4.7, *сыноу* 4.3 (vs. *сынове* 4.3), *отъцви* 5.4 (vs. *отъцоу* 4.3), преобладание стяженных членных форм прилагательных, В=Р метафорический (*гласа намъ спасьна... брацѣи* 3.2, *проповѣда... трьслъньчънааго гласа* 4.3, *вѣлѣта та оплота и твьрда... имѣи* 8.3, *ѡко свѣтила та драга... възложи* 9.1).

Вся совокупность фактов, установленных в результате стихометрического, лингвистического и исторического анализа кирилловского канона, позволяет охарактеризовать его как произведение греческого автора, по-видимому, проживавшего в Риме, – неизвестного по другим источникам Василия – и датировать создание канона первыми годами после беатизации Кирилла Философа. Перевод канона на старославянский язык кажется естественным отнести ко времени процветания кирилло-мефодиевского дела в Великой Моравии и Паннонии, сопряженному с активной переводческой деятельностью; на наш взгляд, то, что мы знаем (и не знаем) о круге древнейших переводчиков, никоим образом не препятствует приписать авторство перевода старшему из первоучителей, ни словом не упомянутому в каноне, – архиепископу Мефодию.

ИСТОЧНИКИ

а) Библиотеки и древлехранилища

БАН – Библиотека Академии наук, Отдел рукописной и редкой книги (Санкт-Петербург).

ГИМ – Государственный исторический музей, Отдел рукописей и старопечатных книг (Москва).

НБКМ – Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия (София).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РНБ – Российская национальная библиотека, Отдел рукописей (Санкт-Петербург).

ХИБ – Хиландарская исследовательская библиотека Государственного университета штата Огайо (Колумбус, США).

ЦИАИ – Церковно-исторический и архивный институт при Болгарской патриархии (София).

б) Списки службы Кириллу Философу

В – сохранившаяся в бумагах А.Х. Востокова копия службы в др.-рус. списке XII в., по изд.: Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL. СПб., 1867. С. 67–78. (Сб. ОРЯС; 1).

Вар – Минея служебная, февр. (Варовитская рукопись), серб., 30-е гг. XVII в., ЦИАИ, № 89, л. 83г–89v.

Гр – Минея праздничная (Григоровичева или Добрианова минея), ср.-болг., вт. пол. XIII в., БАН, 24.4.12, л. 1г–3v.

Др – Драганова минея, ср.-болг., кон. XIII в., Афон, Зографский монастырь, № 54 (I. e. 9), по изд.: Александров А. Служба святым славянским апостолам Кириллу и Мефодию в болгарском списке XIV века // Рус. филол. вестник. 1893. № 2. С. 199–203 (местонахождение листов с текстом служб в настоящее время неизвестно).

Ил – Минея праздничная (“Ильина книга”), др.-рус., XI/XII в., РГАДА, Тип. 131, л. 127v–132v.

Л – Минея служебная, февр.–март, югозападнорус. (со следами ср.-болг. орфографии), сер. XVI в., Люблин, библиотека Высшей духовной семинарии, № 538, л. 40v–44v, по фотокопии.

НБ140 – Минея праздничная, серб., XV–XVI вв., НБКМ 140, л. 244г–246v.

НБ141 – Минея служебная, февр., серб. (ресавская), 1608 г., НБКМ 141, л. 58г–63v.

НБ895 – Минея служебная, дек.–февр., серб., XIII/XIV в., НБКМ 895, л. 82а–в.

НБ902 – Минея служебная, февр.–март, ср.-болг., кон. XV в., НБКМ 902, л. 46г–50v, по фотокопии, любезно присланной из ХИБ.

Пал – Минея служебная, февр. и авг. (Палаузовская минея), ср.-болг., перв. пол. (?) XIV в., БАН, 24.4.11, л. 3г–6г.

Пан – Минея служебная, дек.–февр., серб., 1320–1330 гг., Афон, Пантелеймонов монастырь, Slav. 11, л. 217г–221v, по фотокопии, присланной из ХИБ.

Пог – Сборник богослужебный, серб., тр. четв. XVII в., РНБ, Пог. 323, л. 282г–295v.

Поч – Минея служебная, янв.–февр., югозападнорус., 1690 г., Киев, Центральная научная библиотека Национальной академии наук Украины, Поч. 22, л. 278v–283г, по фотокопии.

Р – Минея праздничная, ср.-болг. с русизмами или вост.-слав. с болгаризированной орфографией, XV или XVI в., Библиотека Румынской академии (Бухарест), № 717, л. 85v–87г, по фотокопии.

С – Минея служебная, февр., др.-рус., XII в., ГИМ, Син. 164, л. 99г–v, 100v–110v.

- Ск – Минея праздничная, ср.-болг., XIII в. (в настоящее время местонахождение неизвестно), по изд.: Радченко К.Ф. Заметки о рукописях, хранящихся в болгарской митрополии г. Скопья, с приложением службы Константину Философу по среднеболгарскому списку XIII века // Изв. ОРЯС. 1907. Кн. 12, № 3. С. 158–162.
- T98 – Минея праздничная, дек.–январь, др.-рус., XII–XIII вв., РГАДА, Тип. 98, л. 74v–77r.
- T104 – Минея служебная, февраль, др.-рус., XII в., РГАДА, Тип. 104, л. 86v–94v.
- T105 – Минея служебная, февраль, др.-рус., нач. XIV в., РГАДА, Тип. 105, л. 77r–85r.
- Xл152 – Минея служебная, январь–март, ср.-болг., перв. пол. XIV в., ГИМ, Хлуд. 152, л. 145v–148v.
- Xл164 – Минея праздничная, серб., 1371–1385 гг., ГИМ, Хлуд. 164, л. 131a–132r.
- Xл166 – Минея праздничная, серб., перв. пол. XIV в., ГИМ, Хлуд. 166, л. 100r–102v.
- Ц – Минея праздничная, серб., перв. четв. XVI в., ЦИАИ, № 113, с. 230–236.
- Z – Минея служебная, февраль, ср.-болг., нач. XIV в., Афон, Великая Лавра, Z 53, л. 49v–53v, по фотографии, присланной из ХИБ.
- в) Другие источники (рукописи и издания), словари, указатели
- Вен – Сборник (Кодекс Ганкенштейна), XIII в., Австрийская национальная библиотека, Cod. slav. 37, по фотокопии, любезно предоставленной Р.Н. Кривко.
- Двор. – Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий. Т. 1–2. М., 1958.
- ЖН – [Житие Нифонта Констанцкого] // Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови / Підгот. до друку А.В. Ристенко. Одеса, 1928.
- Зл. – Златоструй от XII век / Увод и научно разчитане на текста Т. Георгиева. Силистра, 2003.
- ИИВ – “История Иудейской войны” Иосифа Флавия: Древнерус. перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. 1–2. М., 2004.
- ИК – Ильина книга: Рукопись РГАДА, Тип. 131 / Лингв. издание, подготовка греч. текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М., 2005.
- Кл. – Свети Климент Охридски. Слова и служби / Съст. П. Петков, И. Христова-Шомова, А.-М. Тотоманова. София, 2008.
- КП – Старобългарското Учително евангелие на Константин Преславски / Изд. от М. Тихова. Freiburg i. Br., 2012.
- Лавр. – Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- ЛИ – Ипатьевская летопись. М., 1962. (Полн. собр. рус. летописей; Т. 2).
- ЛЛ – Лаврентьевская летопись. М., 1962. (Полн. собр. рус. летописей; Т. 1).
- МД – Das Dubrovskij-Menäum: Edition der Handschrift F. n. I 36 (RNB) / Besorgt und komm. v. M.F. Mur'janov; überarb. und mit deutschen Übersetzungen versehen v. H. Rothe und A. Wöhler; hrsg. v. H. Rothe. Opladen; Wiesbaden, 1999.
- МП – Новгородская служебная минея на май (Путятина минея). XI век: Текст, исследования, указатели / Подгот. В.А. Баранов, В.М. Марков. Ижевск, 2003.
- МПЩ – Щёголева Л.И. Путятина Минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1–10 мая. М., 2001.
- НБ122 – Минея служебная, серб., 1435 г., София, НБКМ 122.
- ПВИ – Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. / Подг. текста, иссл. и комм. И.Н. Лебедевой. Л., 1985.
- Пр I–II – Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. I: Текст и комментарии / Изд. подгот. Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, В.Б. Крысько, О.П. Шевчук, И.М. Ладыженский. М., 2010; Т. II: Указатели. Исследования / Изд. подгот. В.Б. Крысько, Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский. М., 2011.
- РГЦ – Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели / Ред. М. Аргировски, соработ. Н. Андријевска, А. Ѓуркова. Скопје, 2003.
- С163 – Минея служебная, январь, XII в., ГИМ, Син. 163.
- С319 – Триодь постная, XII в., ГИМ, Син. 319 <<http://mns.udsu.ru>>.
- СБУ – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–9–. М., 1988–2012–.
- Син – Синайская псалтырь: Глаголический памятник XI века / Пригот. к печ. С. Северьянов. Graz, 1954.
- СЛРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29–. М., 1975–2011–.
- СП – Синайский патерик / Изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М., 1967.

- Срезн. – *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. Т. I–III. М., 1989.
- ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Ст – *Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum: Codex Palaeoslavicus n° 34.7.6 Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae phototypice depictus* / Ed. cur. N. Schidlovsky. Pars principalis. Naunia, 2000.
- Супр – Супрасълски или Ретков сборник / Й. Заимов, М. Капалдо. Т. 1–2. София, 1982–1983.
- T110 – *Миней служебная*, апр., XI–XII в., РГАДА, Тип. 110 <<http://mns.udsu.ru>>.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- Шест. – Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского: Ранняя русская редакция / Изд. подгот. Г.С. Баранкова. М., 1998.
- Яг. – *Ягич И.В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнослав. переводе по рус. рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.
- АНГ – *Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Italiae inferioris* / Ed. J. Schirò. Т. 1–13. Roma, 1966–1983.
- ЕЕ – *Εἰρημολόγιον* / Ἐκδ. ὑπὸ Σ. Εὐστρατιάδου. Chennevières-sur-Marne, 1932.
- Foll. – *Follieri H.* Initia hymnorum Ecclesiae graecae. Vol. 1–5. Città del Vaticano, 1960–1966.
- Hirm. – *Hannick C.* Das altslavisches Hirmologion: Edition und Kommentar. Freiburg i. Br., 2006.
- Lampe – *Lampe G.W.H.* A patristic Greek lexicon. Oxford, 1961.
- MD – *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts* / Hrsg. v. H. Rothe, E.M. Vereščagin. Т. 1–5. Opladen – Wiesbaden, 1996–2006.
- MF – *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM)* / Hrsg. v. H. Rothe. Т. 1–3. Paderborn etc., 2003–2009.
- Mikl. – *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- MR – *Μηναία τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ*. Т. 1–6. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1902.
- PaR – *Παρακλητικὴ ἤτοι Ὁκτώηχος ἡ μεγάλη*. Ἐν Ῥώμῃ, 1885.
- SJS – *Slovník jazyka staroslověnského*. 1–4. Praha, 1958–1997.
- Spanos – *Spanos A.* Codex Lesbicus Leimonos 11: Annotated Critical Edition of an Unpublished Menaion for June. Berlin, 2010.
- Stern – *Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts* / Besorgt v. D. Stern. Т. 1–3. Paderborn, 2008.
- TLG – *Thesaurus Linguae Graecae* <<http://stephanus.tlg.uci.edu>>.
- TR – *Τριώδιον κατανοκτικόν, περιέχον ἅπασαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης Τεσσαρακοστῆς*. Ἐν Ῥώμῃ, 1879.
- WD – *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch – griechisch – deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch – slavisch* / Bearb. v. D. Christians. Wiesbaden, 2001.
- Δημ. – *Δημητράκος Δ.* Μέγα λεξικὸν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης. Т. Α. Ἀθήναι, 1996.
- Таμ. – *Ταμείον ἀνεκδότων Βυζαντινῶν ἁσματικῶν κανόνων* / Ὑπὸ Ε. Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου. I. Κανόνες μηναιῶν. Ἀθήναι, 1949.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крысько В.Б.* О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнейшей службы Кириллу Философу // *Palaeobulgarica*. 2005. 4.
2. *Крысько В.Б.* Новые греческие источники канона Кириллу Философу // *Palaeobulgarica*. 2007. 2.
3. *Крысько В.Б.* Ранние славянские гимнографические тексты: Источники и реконструкция (на материале канона Кириллу Философу) // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2008. № 3.
4. *Крысько В.Б.* К реконструкции древнейшего канона Кириллу Философу: песнь четвертая [I] // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2009. № 1.
5. *Крысько В.Б.* К реконструкции древнейшего канона Кириллу Философу: песнь четвертая [II] // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2009. № 2.
6. *Крысько В.Б.* Древнеславянский канон первоучителю Кириллу: источники и реконструкция (песнь шестая) // *Palaeobulgarica*. 2009. 4.
7. *Крысько В.Б.* Древнеславянский канон первоучителю Кириллу: источники и реконструкция (Песнь пятая) // *Die Welt der Slaven*. 2010. Н. 1.
8. *Крысько В.Б.* Древнеславянский канон первоучителю Кириллу: песнь седьмая // *Palaeobulgarica*. 2013. 1.
9. *Крысько В.Б.* Древнеславянский канон первоучителю Кириллу: песнь восьмая // *Die Welt der Slaven*. 2013. Н. 2.
10. *Горский А.В.* О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // *Кирилло-Мефодиевский сборник*. М., 1865.
11. *Григорович В.И.* Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов, святых

- Кирилла и Мефодия // Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865.
12. *Казанский П.С.* Сравнительное достоинство списков службы св. Кириллу, просветителю славян, принадлежащего г. Григоровичу и московской Синодальной библиотеке // Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865.
 13. *Воронов А.Д.* Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.
 14. *Christians D.* Theotokia in Kanones altbulgarischer Provenienz // *Palaeobulgarica*. 2004. 1.
 15. *Темчин С.Ю.* О греческом происхождении древнейшей службы Кириллу Философу // *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit*. Paderborn etc., 2007.
 16. *Мирчева Б.* Канонът за Кирил и Методий и службата за Кирил в славянската книжнина. В. Търново, 2001.
 17. *Топоров В.Н.* Локатив в славянских языках. М., 1961. С. 190.
 18. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 3: Прилагательные / А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько. М., 2006. С. 24.
 19. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
 20. *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913. S. 292.
 21. *Rothe H.* Theologische Terminologie und rhetorische Formeln in liturgischen Hymnen der Kiever Rus'. I: Ausdrücke für Vernunft, Verstehen, Erkennen // *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit*. Paderborn etc., 2007. S. 277.
 22. *Христова-Шомова И.* Служебният апостол в славянската ръкописна традиция. Т. I: Изследване на библейския текст. София, 2004.
 23. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 1: Множественное число именного склонения / С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько. М., 2000.
 24. *Добрев И.* Кеанската земя // Добрев И. Прозрения в българската старина. Linz, 2007.
 25. *Thomson F.J.* Saint Methodius, Apostle to the Slavs, as Abbot of the Greek Monastery of Полихронъ // *Iter philologicum: Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag*. München, 2006. P. 237–238.
 26. *Темчинас С.Ю.* Деятельность св. Мефодия в монастыре Полихрон // *Темчинас С.Ю.* Исследования по кирилло-мефодиевистике и палеославистике. Kraków, 2010. С. 26.
 27. *Чешмеджиев Д.* Кирил Катански и Константин-Кирил Философ // *Palaeobulgarica*. 1992. 3. С. 58–59.
 28. *Martindale J.R.* The prosopography of the later Roman Empire. Vol. III: A.D. 527–641. Cambridge, 1992. P. 133.
 29. *Тортика А.А.* Боспор Киммерийский в хазарское время: по данным арабо-персидских и хазаро-еврейских авторов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья (Материалы IV Боспорских чтений). Керчь, 2003. С. 267 <http://annales.info/hazar/small/bch4_tort.htm>.
 30. *Лавров П.* Кирило та Методій в давньослов'янському письменстві. Київ, 1928. С. 127.
 31. *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. I. Пратюркский период. М., 2007. С. 119.
 32. *Срезневский И.И.* Служба св. Константину философу по восьми древним спискам // *Срезневский И.И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL. СПб., 1867. С. 77.
 33. *Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006. С. 196–197.
 34. *Соболевский С.И.* Древнегреческий язык. СПб., 2000. С. 341, § 1374.
 35. *Pasterzy wiernych slowian: święci Cyryl i Metody / Teksty wybrał, tłum. i oprac. A. Naumow.* Kraków, 1985. S. 129.
 36. *Weyh W.* Die Akrostichis in der byzantinischen Kanonesdichtung // *Byzantinische Zeitschrift*. 1908. Bd. 17.
 37. *Ангелов Б.Ст.* Климент Охридски – автор на общи служби // Константин-Кирил Философ: Юбилеен сб. по случай 1100-годишнината от смъртта му. София, 1969. С. 253.
 38. *Станчев К., Понов Г.* Климент Охридски – живот и дело. София, 1988. С. 197.
 39. [*Горский А.В.*] О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // Прибавления к изданию Творений святых отцев в русском переводе. 1856. XV, 1.
 40. *Григорович В.И.* Древнеславянский памятник, дополняющий житие славянских апостолов, святых Кирилла и Мефодия // Учен. зап. Казан. ун-та по Отд-нию ист.-филол. и полит.-юрид. наук. 1862. Вып. I, отд. I (отд. оттиск: Казань, 1862).
 41. *Крысько В.Б.* Служба первоучителю Кириллу по Палаузовскому списку // *Text – Sprache – Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher*. München; Berlin, 2009.
 42. *Stern D.* [Rec.] Matejko Ľ. Život stredovekého textu. O tzv. Metodovom kánone sv. Dimitrovi Solúnskemu. Bratislava, 2004 // *Zeitschrift für Slawistik*. 2008. Bd. 53, H. 2. S. 249.
 43. *Темчин С.* О греческом происхождении славянского канона св. Димитрию Солунскому // Старобългарска литература. 2009. Кн. 40–41.
 44. *Кривко Р.Н.* [Рец.] Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften... // Рус. яз. в научном освещении. 2009. № 1.
 45. *Ševčenko I.* Constantine-Cyril, apostle of the Slavs, as “bibliothecary”, or how Byzantine was the author of Constantine’s *Vita*? // ...The Man of Many Devices, Who Wandered Full Many Ways...: Festschrift in Honor of János M. Bak. Budapest, 1999. P. 219.